

Максим Павченко

ЖЁЛТЫЕ ПЛИТКИ

Фантастический роман

Максим Павченко

Жёлтые плитки

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68455717
ISBN 9785005918697*

Аннотация

Мечты о прошлом: оказаться там на день, на час, на миг!.. Перенестись и вернуться обратно! Юный изобретатель Дэнивилл проходит через данный эксперимент. С помощью собранной им машины он попадает в город своего детства, а потом возвращается в настоящее. Сможет ли он побороть эмоции и вернуться к обычной жизни? Или детские впечатления и образы изменят его навсегда? «Жёлтые плитки» – роман о воспоминаниях, чувствах и ностальгии, о реакции человека на утраченное время.

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	7
III	13
IV	20
V	31
Часть вторая	33
I	33
II	49
III	58
IV	64
V	70
Часть третья	77
I	77
II	85
III	94
IV	98
V	108
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Жёлтые плитки

Максим Павченко

Корректор Сергей Ким

Иллюстратор Ксенон

© Максим Павченко, 2022

© Ксенон, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-0059-1869-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

I

Говорят, еще несколько месяцев – и в Оле-Вивате появятся звездолеты. Планирование по этому вопросу уже ведется, появились даже первые, пока примитивные, модели. Предел высоты действия звездолетов будет зависеть от целей использования. Для городских полетов хватит и тысячи метров, для более дальних – космических – путешествий она будет больше исковой в миллионы раз. Обычным самолетам впору побояться конкуренции.

А вот кто ее точно не выдержит – так это машины. Вынужденные занимать нарасхват узкие полосы дорог и огороженные территории дворов, которые в принципе не бесконечны, – что они могут противопоставить звездолетам, которым любая крыша открыта?! И что говорить о большей компактности последних!..

В связи с этим особо интересным представляется вопрос, стоит ли считать самого человека машиной, или, вернее, стоит считать в какой мере, – поскольку в последнее время общее нивелирование чувственности человека и возрастание его независимости не вызывает сомнений. Машина есть автомат, человек автоматизировался настолько, что не терпит

прежних идей, а новые еще не придуманы. Человек может и не придать значения утрате машин, его это не удивит, — потому что он и сам приобрел черты машины.

Тогда понятно, что звездолет — это как раз та новая идея, которая нужна человеку, — и вот почему о ней говорят.

II

– Я, правда, пока не очень понимаю, как там насчет безопасности, – заметил Рэдмонд Стай, вставая из-за стола с подносом, чтобы выкинуть оставшийся мусор. Молодому человеку еще не было тридцати; брюнет, довольно высокого роста, весьма обаятельный в чертах лица, он занимал в Институте должность старшего планировщика.

Его непосредственный подчиненный, а также верный помощник и друг, планировщик Тэликси Мин, или просто Тэл, еще продолжал обедать. Попутно он ответил:

– А что с ней?

– Да как-то ненадежно. Что, если эти звездолеты по первости будут падать?! Как насекомые от химии! – заявил Рэдмонд с ноткой солидности в голосе, садясь обратно за стол.

– Как самолеты?

– Ага!

Нашумевшие истории об упавших самолетах когда-то будоражили общественность Оле-Вивата. В этом смысле звездолеты многим казались надежным взглядом в будущее. Но не всем.

– В принципе, они ведь куда опасней, – подчеркнул еще Рэдмонд. – Во-первых, их будет больше, чем самолетов. Значит, и вероятность неисправности возрастет. И потом, как они будут летать не сталкиваясь?

Тэл, привыкший ухмыляться при подобных вопросах, на-
супился; обед его был закончен, он тоже пошел выкинуть
остатки в урну, затем вернулся. Он был где-то на четыре го-
да младше своего коллеги – посему, в сравнении с ним, ка-
зался легкомысленнее. Впрочем, своим родом деятельности
увлекался еще как!

– Ты же знаешь, к чему все это, – произнес он весело.

– Ах! – сразу взбодрился старший планировщик и потре-
пал своего подчиненного по голове.

Тэл, и без того худой, как будто весь вжался в себя до плос-
кости, но произнес решительно:

– Да, человек – машина! Это уже определено!

– Неплохо, – рассмеялся Рэдмонд.

– Да что там? Ты же сам видишь, Рэд...

– Так-то я согласен, – перебил Рэдмонд, – и я вижу. Чело-
век становится интереснее, лучше. Он все более независим
от чувств...

– От чувств! – подняв кверху палец, прокричал Тэликси.

– Я так и сказал, – ласково заметил Рэдмонд. – Чувства
были тормозом в других, более древних, городах. Там отда-
вались страстям, недугам, лжи и прочему. Мы отдаемся...

– Идеям!

– Да! От идей человек сейчас как раз и зависим.

– Ну так *вот*!

– Хотя... Это еще не доказывает, что человек – машина, –
с некоторым стыдом заметил Рэдмонд.

– Хорошо, человек – биохимическая машина.

– Так лучше! – похвалил Рэдмонд.

– Да, нами управляют биохимические реакции, – гордо начал Тэл. – Только давай забудем, что машина – это штука на четырех колесах с мотором и двигателем. Понятие машины гораздо шире. Машина – это типичная универсалия, главное в которой – что она бесчувственна и способна выполнять автоматические операции. Человек же, получается, – усмехнулся Тэл, – вообще машина высшего порядка. Потому что она выполняет эти операции без постороннего принуждения.

Голос его, чуть высокий, то усиливался, то спадал. Тэл имел привычку увлекаться, говоря о машинах.

Рэдмонд же задумался.

– Получается, и всякие там звери – машины? – спросил он.

– Что ты имеешь в виду?

– Они тоже выполняют операции на автомате: кушают, охотятся, спят...

– Эти операции примитивны, – возразил Тэл.

– Но они доведены до крайнего автоматизма, – заметил Рэдмонд. – И притом развиты лучше, чем у людей. Гепард бежит быстрее всех!

– Это все, что он умеет, – отрезал Тэл.

Рэдмонд посмотрел на него с недоумением. Тэликсис поспешил добавить:

– Они, может, и круты в этом – животные, – ухмыльнулся он, – но операции человека сложнее. Они не способны написать и пару слов. Человек проведет эту операцию в два счета.

– И все равно это не отрицает того, что животные – машины!

При этих словах Рэдмонд полуотвернулся. Тэл еще пытался что-то напеть ему про машины, но Рэдмонд его уже не слушал. Тэл заметил это:

– Что с тобой?

Рэдмонд попытался включить начальника перед Тэликси:

– Да, это известное заблуждение. Молодым сотрудникам... – тут он остановился, оглядел себя; потом последовал смешок, который поддержал и Тэликси, – свойственно иногда в процессе создания идей слишком гордиться человеком, *собой*, и не замечать иной мир, – здесь он резко остановился и помолчал. Потом вдруг вскрикнул: – Нет, не в том дело!

Подчиненный внимательно слушал его.

– Понимаешь, Тэл... Мне кажется, мы еще не до конца бесчувственны.

Едва ли Рэдмонд мог ожидать такой реакции, но Тэл тут же вскочил. Лицо его выражало воодушевление.

– Вот! Именно поэтому я собираюсь этим заняться! – воскликнул он, вытащил из кармана пиджака некий блокнот и бросил на стол.

Рэдмонд знал проявлявшийся иногда пафос в действиях Тэла, потому отреагировал сдержанно:

– А, ты имеешь в виду последнюю планерку?

– Да, помнишь, ты мне рассказывал, что говорил профессор: планировщикам проанализировать новую идею, – человека как машины, – найти плюсы и минусы, доказательства и опровержения, предсказать затруднения по внедрению, выявить тенденции развития и перспективы и представить подробный отчет по работе старшим планировщикам, – здесь Тэл, конечно, уставился на Рэдмонда.

Тот замялся – эта идея еще не так сильно вертелась у него в голове, как следовало бы.

– И чем конкретно ты займешься? – скромно спросил он.

– Я выбрал доказательства и опровержения. Вот два столбца, – Тэл указал на таблицу в блокноте. – Я буду заполнять их по мере появления новых мыслей. По сути, доказательства идеи как раз и крутятся вокруг того, насколько бесчувственен человек. Так мы лишний раз и убедимся.

– Очень умно, – оценил Рэдмонд. Про себя он даже обрадовался выбору своего подчиненного, ибо Рэдмонду, как старшему планировщику, предстояло непосредственно внедрять идеи Института в город. Вопрос же о доказательности идеи казался ему краеугольным камнем – он принципиально считал, что эффективность работы напрямую зависит от того, насколько доказательна идея; это можно перевести просто: ему удавалось по-настоящему внедрить только те идеи, в которые верил он сам.

Идея человека как машины совпадала по времени с мо-

делированием будущих звездолетов и рассматривалась центральной на ближайшие полгода, – поэтому работы предстояло много. И Рэдмонд это знал.

– Кстати, что там на часах? – он взял в руки лежавший на столе гаджет.

Прошло мгновение.

– Проклятье! Три часа! – Рэдмонд вскочил из-за стола, схватил свои принадлежности и потянул за собой Тэла.

Вскоре они уже вышли из столовой и помчались в Институт на собрание.

III

Город Оле-Виват – явное свидетельство проявляющейся популярности формы идеологического города-государства. В нем заметны те самые признаки, на которые опираются все без исключения сторонники данной формы. Поиски новых идей и идеологий, – говорят они, – это компенсация за то отсутствие чего-то по-настоящему стоящего, что делает скучной и бесперспективной жизнь граждан иных государств. Развитие понятия о человеке через различные идеи и мысли – таков противовес попыткам познать сверхъестественное, предпринимавшимся неоднократно в различных ипостасях, и всякий раз – безрезультатно. Наконец, особая деятельность специально созданных Институтов, «мозговой штурм» по созданию новых интересных идей – вот та изюминка, которая показывает значение и самобытность означенной формы.

Оле-Виват – это и просто развивающийся город. Он продолжает застраиваться, расширяться вместе со своими идеями. И на фоне этого развивается понятие о человеке.

Тезис легко подтвердить, если рассмотреть небольшую, но уже богатую историю «строительства пакетами», как это принято называть. При таком типе строительства не обсуждаются краткосрочные цели и не строятся единичные здания-точки; характернее определять цели по строительству

как совокупность объектов, соответствующих определенной тенденции, моде, стилю. Основная такая тенденция одна – отказ от малопривлекательных глазу сооружений, да и всего того, что несет в себе странность, дисгармонию, уныние; отказ от всего грязного, потертого, размытого. Мало кто помнит, что первые объекты Оле-Вивата были не очень-то привлекательны. Нельзя назвать их уродливыми. Но выглядели они безвкусно, а некоторые даже и так, будто смотрели на них через непротертые очки. Что бы ни строили: школы, заводы, офисы, жилые дома, детсады – о красоте мыслей не было.

Почему?

Потому что когда-то нужно было просто начать строить город. Еще сто лет назад и о политическом направлении не задумывались – важно было создать новое жилое пространство для растущего потока жителей. И вот его создали. Унылость объектов не сильно бросалась в глаза, потому что тогда – сильнее, чем сейчас, – здания оттенялись зелеными массивами. Самих массивов было много! Лишь на некоторых трассах число объектов зашкаливало, – и тогда картина представлялась совсем безрадостной.

Но строительство росло, и таких объектов и трасс становилось все больше. И все они настолько слабо подчинялись какому-то стилю, – напротив, унынию, – что в уныние скоро стал погружаться весь город. По воспоминаниям жителей, в дождливую погоду Оле-Виват вообще напоминал всеобщего скорбящего.

Возможно, даже и все это явилось причиной принятия современной политики и переориентации на идеологический подход.

Но окончательно город стал преобразаться перед появлением Институтов. Собственно, потом они и продолжают преобразование как реализацию одной из идей, а в обязанность это вверят старшим планировщикам. Итак, долгосрочная цель – строительство по-настоящему привлекательных объектов – стала реализовываться. Яркие краски, четкость конструкций, внимание к деталям, широта и высота самих объектов, – и при этом простота сооружения – вот какие появились ориентиры в строительстве.

В новых условиях человек неминуемо почувствовал себя более комфортно. Он даже стал себя, что ли, больше уважать, ценить. А в научной среде ходила такая поговорка: «Подобное растворяется в подобном, прекрасное – в прекрасном».

Так и стало развиваться понятие о человеке. Человека признали гордостью, достоинством, – опять же, чем-то прекрасным; поняли, что все, что делается, должно радовать его и пробуждать желание жить; поняли также и то, что для перманентного интереса к жизни человеку необходимы новые идеи, и обязательно – чтобы они были доказательны и применимы.

Только где взять такие идеи? Строительство пакетами стало идеей само по себе. Но остановиться на этом – все равно

что поставить под угрозу интерес к жизни у жителя Оле-Вивата. Житель этот – это ведь тот же современный человек, дитя всех времен, ставший независимым, все больше отрезающийся от чувств и менее подверженный страстям. Очевидно, что ему необходимо много идей.

Решением этого ключевого вопроса для *идеологического* города-государства стало создание Институтов.

К одному из таких Институтов направлялись Рэдмонд и Тэликси. Весь Оле-Виват поделен на несколько районов, и в каждом есть свой Институт. Район, где живут Рэдмонд и Тэликси, называется Молодежным.

Институт Молодежного района находится в северной его части – там, где проходит трасса 45, отсекающая от продолжения трассы 23 и 24, идущие прямо, севернее, за железную дорогу и приводящие через эту самую дорогу к району Привокзальному. Таким образом, к Институту можно добраться по трассе 45, которая проходит по всей северной части района с востока на запад и сворачивает на юг; другой вариант – для тех, кто живет в Привокзальном районе, – двигаться с трасс 23 или 24, но такой вариант уместен разве что для гостевых посещений, потому что сотрудники по установившейся практике обычно работают в тех районах, в которых живут. Третий вариант – трасса 58, отходящая от трассы 45 и проходящая параллельно и восточнее трассы 24 (и западнее еще одной железной дороги – второй границы райо-

на), но с продолжением на юг, – однако идти по ней – значит прийти в итоге к трассе 45. Такое же окончание маршрута поджидает и тех, кто двинется с юго-западных улиц, так как все они – по крайней мере, ближайшие – «впадают» в трассу 45.

Рэдмонд и Тэликси выбрали еще один – последний – вариант: они с портфелями в руках пошли дворами с южных улиц. Это наиболее удобный со стороны столовой путь, а еще он радует обилием деревьев и памятником Смеху в виде невысокого улыбающегося человечка на возвышении по правую сторону, близ трассы 45.

Но ранней весной маршрут оказался не так приятен, да еще осложнен: только вчера прервалась оттепель, и опять начались заморозки.

Позади осталась трасса 46, которую коллеги, конечно, перешли в неположенном месте, – и Рэдмонд, едва вступив в последний двор, раз в пятый посмотрел на часы:

– Сорок минут! Такого еще не... – он не удержался и мигом упал на лед, руками цепляясь за воздух.

Тэликси поспешил помочь.

– Рэд!..

– Проклятый лед!.. – выругался Рэдмонд, медленно вставая и выпрямляя спину. – Ай!

– Ушиб?

– Наверно... – Рэдмонд отдышался и добавил: – Это все из-за спешки...

После еще некоторой паузы, когда они уже продолжали идти, Рэдмонд разразился:

– Знаешь, в этом человек и впрямь как машина. Вечно куда-то спешит, занят, даже отдышаться не успевает. Разве только спит. Бесконечный механизм. А ему все цели дают.

Он заметил, что его коллега остановился.

– Ты чего?

Тэликси демонстративно достал блокнот и принялся записывать.

– Ты чего, сдурел? Время! – закричал Рэд, показывая на часы.

– Это же гениальная мысль! – возбужденно пробубнил Тэл, бегло делая запись. – Что за?.. – его ручка явно давала сбой на холоде, он принялся нервно чирикать. – Короче, первое доказательство человека как машины готово! – воскликнул он. – В первый столбец!

– Пойдем, – вздохнул Рэд.

Тот подтолкнул его, и они двинулись дальше. Тэл еще продолжал что-то писать, покуда они шли. Ручка продолжала его подводить. Тогда он принялся на словах объяснять Рэду, что если человек изо дня в день выполняет схожие операции, например, по работе, то он превращается в автомат, – и таким образом теряет чувственность. Рэд, может, и соглашался с ним, но был слишком озабочен временем.

Вот наконец они миновали возвышение справа, на котором стоял улыбающийся человечек. Они успели потерять

ему на счастье нос. А впереди перед коллегами через сучья деревьев вдоль тропы открывалось синее здание Института.

IV

Оставалось только перейти трассу 45. Но здание Института уже блестело в своих синих стеклах, коими было отделано со всех сторон. Этот стиль соответствует тенденции строить только привлекательные объекты – их так пакетами и строили. Они считаются геометрически правильными, четкими, яркими, блестящими; в Молодежном районе их особенно много.

Институт шириной походит на стандартную школу, а ввысь тянется на четыре этажа; многие наслышаны о его глубоких подвалах. По бокам от здания – вспомогательные помещения, в один этаж, а слева к ним примыкает еще стоянка для машин. Позади Института располагаются различные склады и зеленые массивы, которые тянутся так до самой железной дороги.

Простейший путь внутрь Института – аккуратно посередине, но Рэдмонд и Тэликси, перейдя трассу 45, направились сразу к левому крылу и, обогнув угол, пошли вдоль стоянки. Здесь они увидели в очередной раз две платформы неясного цвета, с характерным оттенком ржавчины, наклоненные под небольшим углом. Располагались они в черте стоянки и заметно возвышались над всеми машинами. Никто точно не мог сказать, для чего здесь эти платформы, но главное: *как они вообще уцелели* при всех существующих тенденци-

ях?!

Рэдмонд и Тэликси об этом едва ли сейчас думали – они воспользовались тем, что со служебного входа в левом крыле, куда пускают только по пропускам, можно легко проникнуть на второй этаж и дойти до зала; еще минута – и они стояли у больших ярко-красных кожаных дверей.

Отсюда ясно слышался громкий низкий голос. Грегор Лерой, нет сомнений, – директор Института; лет около пятидесяти пяти, среднего роста, брюнет, с усами и бородой.

– Началось уже... – выругался Рэдмонд.

Лерой традиционно открывал собрания Института. Они проводились четырежды в году, и на них присутствовали все без исключения сотрудники. Значимее были только межинститутские собрания, по два в год, но в них участвовали только администрации всех Институтів и составы профессоров.

– Давай аккуратно, – шепнул Тэликси.

– Да знаю, – буркнул Рэд.

Только кожаные двери помогли коллегам бесшумно войти в зал. И все же, когда они пробирались к первым пригласившимся пустым креслам, их слышали. Здесь произошли некоторые столкновения взглядов, только и всего. Затем Рэд и Тэл аккуратно сели – и чуть не замерли. Тэл лишь аккуратно достал свой блокнот с ручкой, Рэд – специальный планшет и электронный карандаш.

В зале царил сдержанная яркость. Она обеспечивала

максимальный комфорт, потому как, с одной стороны, было очень уютно, а, с другой, данный тип освещения не мешал делать записи. Для большего удобства кресла были скреплены с дощечками, на которые обычно клали всякие гаджеты, тетради, блокноты и тому подобное.

Много писать не приходилось – разве что отмечались интересные идеи. И вообще, собрание представляло собой скорее череду отчетов (которые в устной форме предъявляли выступавшие на сцене) да отдельные монологические выступления наподобие того, что сейчас давал директор Института.

В этих выступлениях новые идеи и озвучивались. Впрочем, открывая очередное собрание, Лерой с этим пока не спешил:

– ...и так как это первое собрание после принятия данной идеи, да и вообще первое собрание в этом году, то я хочу услышать сегодня в отчетах, как обстоят дела. Дозвольте я вам подскажу! – напутствовал он своим басом. – Мы тут зачастую произносим наше любимое слово – «универсалия», – потому как мы в принципе любим работать с универсалиями, – отметил Лерой с улыбкой. – Вспомните прошлогодние собрания и январское: культура, счастье, искусство, мораль... Вспомните наши размышления о неоморали! Все это – универсалии. Очевидно! Так вот, машина, – произнес он твердо, – это тоже универсалия. Типичная универсалия! И я предлагаю выступающим расширить свои представления

о машинах!

Тэликси заулыбался – директор говорил ровно то же, о чем он толковал в столовой с Рэдом. Он был явно горд этим.

После директора на сцену вышла его заместитель, Роланда Фойи – высокая женщина сорока лет, со светлыми волосами, звонким голосом и мудрым решением в одежде. Это решение заключает в себе одновременно стиль и строгость. И то же относится к ее высказываниям.

Мнения о ней разнятся даже меж Рэдмондом и Тэликси.

– ...вот я опять хочу вернуться к принятой идее, – решила она в середине монолога. – Конечно, она нова. Но, если мы ее приложим к какой-либо другой универсалии, выяснится, что она совсем не нова. Допустим, это будет искусство! – звонко, с возбуждением воскликнула Фойи. – Лично я давно убедилась, что в искусстве успеха добиваются два типа людей: таланты и красавчики. Рассмотрим истинных людей искусства – таланты. Кто они? Театральный актер, который проводит по две репетиции в день неделями и который повторяет один и тот же текст с утра до вечера, днем и ночью, шлифуя все свои слова, эмоции и движения, – это ведь похоже на машину? – обратилась Фойи к публике. – А рука художника, делающая взмахи кистью так, словно они доведены до почти абсолютного автоматизма, – не рука ли это машины?! Или пианист, играющий с закрытыми глазами в быстром темпе, – как *мало* в нем человека, когда он так играет!

Зал, заведенный Роландой Фойи, оживился.

– Опять бред какой-то сказала, – буркнул Рэдмонд.

Тэликси достал блокнот и пополнил первый столбец.

– Это не приходило мне в голову, – признал он с радостным откровением.

После выступления Фойи началась малоинтересная пора отчетов. Но она была необходима для понимания состояния, в котором находились принятые идеи.

Отчитывались сначала профессора, а потом контроллеры.

Профессора много говорили об идее человека как машины, следуя почину, данному Лероем и Фойи. Если среднее выступление длилось восемь-десять минут, то четыре-пять минут занимали размышления как раз о главной идее, а потом вспоминались идеи более ранние: обсуждали снова строительство пакетами, принципы неоморали, касались вопросов развлечений и нового гедонизма... В основном в отчетах профессора указывали на пути развития идей, придирались к деталям, апеллировали к условиям реализации идей, – то есть отчитаться конкретно и со всей строгостью они представили контроллерам.

Контроллеры в свою очередь мало что могли сказать по строгости об идее человека как машины, так как идея эта была нова, реализация находилась в самом начале, да и результатов получить не успели. Они все пообещали отчитаться более подробно по этой идее на следующем собрании, а пока жестко проехали по другим идеям и рассказа-

ли о последней рекламе.

По лицам представителей администрации было заметно, что они не слишком довольны отчетами. Выступления и профессоров, и контроллеров регулярно прерывались, задавались вопросы. От профессоров хотели услышать о конкретных действиях, предпринятых для реализации идей, в том числе главной идеи. К контроллерам претензии вертелись вокруг малого количества результатов по реализации все той же главной идеи.

Зал временами даже гудел. Тогда и Рэдмонд с Тэликси обменивались репликами.

– И чего они хотят? – недоумевал старший планировщик. – Идею только две недели назад озвучили на планерке...

– От нас хотят, чтобы мы были как машины, – пошутил Тэл.

– Тебе весело. А мне кажется, это несправедливо.

Тэликси знал, что Рэдмонд если к кому-то не бесчувственен, то точно к контроллерам. Его начальник как-то упоминал, что и сам подумывает к ним перевестись.

После всех отчетов слово взяла администрация. В этом промежутке представителям ее полагалось заговорить о новых идеях и дать, так сказать, ориентир на будущее.

Но они этого не сделали, а вместо этого продолжали уже в индивидуальных выступлениях комментировать прослушанные отчеты.

Почему так произошло, сначала никто не понял – то ли на сей раз они не хотели перебивать главную идею человека как машины другими, менее интересными, идеями, то ли им кто-то просто наставил поступить именно так.

Разрешился вопрос со вторым появлением Лероя. Второе появление директора обычно означает скорое завершение собрания.

Итак, все ждали, как он сейчас объявит традиционные благодарности за собрание и скажет что-нибудь очередное напутственное.

Но Лерой не собирался так скоро завершать собрание. Для начала он поддержал администрацию:

– Итак, мы прослушали выступления уважаемых коллег. Должен сказать, у меня остались вопросы. Во-первых, по части материалов вашей работы. Такое впечатление, что вы все недоработали. Я не помню такого малого количества статистики на собраниях.

Рэдмонд с Тэликси переглянулись. Они поняли: в этих словах директора проявилась некая помешанность на статистике. Вся администрация тяготела к статистике, – и происходило это явление не без влияния Лероя.

– Впрочем, это еще ничего, – тут же всех ободрил директор. – Мне показалось, что вы все немного... скучали.

Зал опять возбудился. Лерой тут же взял его голосом:

– Тихо, тихо... Я вижу в этом не проблему, а симптом.

Пока его никто не понимал.

– Возможно, он хочет нас удивить, – прошептал Рэдмонд, всегда относившийся к директору с некоторым недоверием.

– Да, я мог бы сослаться на усталость или на нехватку времени, – продолжал Лерой, – но эти причины априори не совмещаются с тем, чем мы занимаемся. Я напому, когда-то люди нашли универсальный источник интереса – то небольшое, что компенсирует утрату опасных для жизни страстей и стереотипов. Я говорю об идеях.

Так стали появляться новые города, впоследствии ставшие государствами, которые построены по уникальным принципам. Так появился и наш Оле-Виват. Принципы эти – создать условия для максимально интересной жизни. И это коренное отличие от того, как жили и живут в других городах.

И заметьте, идеи – это полноценный заменитель чувственности. Современный человек сделался независимым от чувств, но зато ему вечно нужны новые идеи, чтобы он хотя бы не жалел о потерянном. Возможно, не все даже понимают, насколько понятие идеи выше и безопаснее того, что осталось в прошлом. А между тем идеи помогают открывать новое в старом, заново познавать, расширять понятия... Идеи способствуют развитию нас с вами, делают нас умнее, сильнее, интереснее, разнообразнее!..

Я увлекся. Я лишь хотел сказать, что на волне этого я искренне не понимаю, как можно устать или не успеть по времени. Устать от идей невозможно в принципе. Да ведь

и не на скорость мы пытаемся внедрить наши идеи. По-видимому, что-то с интересом... – Лерой склонил голову и выставил кулак за подбородком. Всем было видно, как он глубоко задумался.

– Хм, неужели идеи стали неинтересны? – размышлял директор. – Судя по вашей работе, да, но... это странно, – долгая пауза. – Нет! Я понял! – воскликнул он. – Наверно, выбор невелик. Идеи принимаются в ограниченном количестве и требуют долгой обработки. Возможно, это вам надоело?

Раздалось несколько отзывов. Из них стало понятно, что слова Лероя все-таки нуждаются в уточнении.

– Хорошо, как бы то ни было, сегодня наступают некоторые... новшества, назовем их так, – Лерой наконец улыбнулся. – С этого дня наш Институт станет шире.

Лерой сделал жест рукой, раздалась веселая музыка – и на сцену стали выходить никому не известные люди. Появлялись они из-за кулис, довольно уверенной походкой; кто-то даже взмахнул рукой. Наконец, они встали в три ряда по правую сторону; директор сместился влево.

– Я хочу, чтобы вы поприветствовали наших стажеров. Все это время, пока шло собрание, они сидели за кулисами и наблюдали собрание со специальных камер. Я посчитал это необходимым для скорейшего вовлечения в работу. Более того, как видите, я угадал с ситуацией. С завтрашнего дня их распределяют к старшим планировщикам – и они начнут работать. Соответствующие распоряжения будут даны зав-

тра же утром. Просьба не опаздывать!

Лерой заметил руки, тянущиеся из зала. Кто-то один, с первого ряда, – кажется, профессор, – не выдержал и спросил:

– Про какую ситуацию вы сказали?

Лерой вздохнул:

– Я предвидел вопрос... Ясно, какую. После сегодняшнего собрания стало очевидно, что нам необходимо много идей. И я хочу, чтобы они были совершенно новыми – такими, до которых мы в своем сегодняшнем составе, видимо, додуматься не можем. В этом, – он оглянулся назад, – наши новые кадры нам и помогут.

– Поясните, в чем конкретно вы видите новизну идей? – раздался еще один вопрос.

Лерой сделал вид, говоривший, что и этот вопрос он предвидел.

– Это очень сложно описать... – признался он, – но я... Я хочу, чтобы новые идеи стали венцом нашей работы. Пусть они будут великими и излучат силу. Ищите *точку величия*! – заключил он. – Собрание окончено.

Лерой обернулся и моментально ушел со сцены. И никто больше не успел задать вопрос.

Стажеры недолго находились на сцене. Завидев, что директор ушел, они и сами медленно потянулись – кто за кулисы, а кто сразу в зал.

В этот момент можно было услышать нестройные апло-

дисменты. Финал директора многим показался эффектным и неожиданным, словно сам нес в себе некую идею.

В то же время он оставил много вопросов и даже недовольств. Гам продолжался до самого выхода участников собрания из зала.

V

– Это просто странно! – прокричал Рэдмонду его коллега, также старший планировщик, Стилл Хонни. Он работал в Институте дольше Рэдмонда, был старше его и любил предаваться сравнениям. – Не помню такого. Он фактически оборвал собрание!

– Ну, собрание и так завершалось... – заметил Рэдмонд.

– И что? На него же посыпались бы вопросы!

– Ты намекаешь на то, что он убежал от них?

– Конечно! Еще и стажеров вывел. Зачем?! По-моему, он слишком многого от них ждет.

– Это мы узнаем. Мне кажется, он что-то задумал, – обобщил Рэдмонд.

Кучек в два-три человека, наподобие пары Рэдмонд-Стилл, было много по всему коридору после собрания. Где-то среди них потерялся и Тэликси. Своего непосредственного начальника он увидел, когда потом зашел в один из больших кабинетов, где обычно собирались и работали планировщики.

Рэдмонд сидел за столом в отдалении и перебирал какие-то папки.

– Не спрашивай ничего! Я понятия не имею, что завтра делать, – посетовал он, заметив вошедшего друга.

– Он же сказал: завтра будут распоряжения, – напом-

нил Тэл.

– И пусть! Вдруг мне придется все ему рассказать?! Я же не помню и половину принятых идей!

– Я тоже, – рассмеялся Тэл.

– Тебе-то что? Отвечать мне придется... – заметил Рэдмонд.

– Расскажи ему про идею человека как машины, – она сейчас главная! – посоветовал Тэл.

Тут Рэдмонд отвлекся от папок и провел ладонями по лицу.

– Да уж...

– Что? – спросил Тэл.

– Просто интересно, к чему все это. Каков все-таки план?

– Ты имеешь в виду...

– Я все имею в виду! – заявил Рэд. – В первую очередь, что значит... точка величия.

– Наверно, это какой-то математический термин. А он его приложил к словам, – поразмыслил Тэл.

– Но ведь имеется в виду просто что-то великое... Вопрос только, что считать великим. Каков критерий?!

Тэл тоже присел за стол и задумался. Зачем-то полез в свой блокнот.

– Хм, может, это действительно что-то новое? Чего еще не было! – Рэд встал и пристально посмотрел на друга.

Тот пока не нашел, что ему ответить.

– Ладно, – решил Рэдмонд, – перейдем пока к работе...

Часть вторая

I

Наступил следующий день. Рэдмонд Стай шел по коридорам первого этажа и испытывал странное чувство. Едва ли он волновался, – но впереди у него был точно новый опыт.

Одежду он выбрал такую: свободная красная рубашка со слабыми полосками, синие джинсы и светлые полуботинки. Походка его была уверенная.

Он оттолкнул дверь и вошел в гостевую за номером 3. Там на креслах, диванах и скамейках сидели вразнобой разные люди. Кто-то стоял и общался с сотрудниками Института. Рэд заглянул в свой планшет за подсказкой и, руководствуясь описанием и фотокарточкой, подошел к молодому человеку, сидевшему на диване и рассматривавшему рекламу.

– Дэнивилл Маллинз! – воскликнул Рэд.

Молодой человек оглянулся и, увидев, что перед ним стоит сотрудник Института (на Рэдмонде был отливавший жёлтым бейдж, явно намекавший на его принадлежность к стаффу), тут же встал, кинул на диван рекламу и приветливо улыбнулся. Затем снял очки и положил их рядом со своим рюкзаком.

Рэд протянул руку – и они обменялись довольно прият-

ным рукопожатием. Улыбка стажера сразу понравилась Рэду. Да и образ его внушал приятие: каштановые волосы с рыжеватым оттенком шли этому молодому человеку, а строгая белая рубашка с синими штанами задавали хороший неоклассический тон. Белые с красным кроссовки были чуть на возвышении. Остроту во внешний вид добавляла легкая щетина на подбородке, но баков не наблюдалось.

– Не знаю, поздравлять вас с этим или нет, но вы – мой стажер! – с некоторой украдкой произнес Рэд.

– Да, очень рад, – стажер от волнения протянул руку, и произошло еще одно рукопожатие. – По-простому я – Дэни...

– А, вот так. Хорошо. Так и отмечу вас... – старший планировщик на три секунды уткнулся в планшет. – Дэни...

– Я думал, здесь на «ты» принято, – просто заметил тот.

– Ах, точно! – подтвердил Рэд. – Я – Рэдмонд. Рэдмонд Стай...

– Очень рад!

– ...старший планировщик.

– Плани... Кто?

– Я работаю здесь три года.

– И... тебе тут нравится?

– Я расскажу, идем!

Рэдмонд в действительности особо не знал, что рассказывать. Небольшой план у него был, но проработать его за одну

ночь он не успел. Увидев Дэни, он стал надеяться на то, что, если стажеру интересно, он сам все спросит.

Пока они шли обратно по коридору, Рэдмонд сообразил:

– Слушай, зря, наверно, мы так сразу вышли. Мне же надо рассказать тебе в общем, про устройство.

– Нам вернуться назад? – спросил Дэни.

– Ладно, идем. Дойдем до другого конца, там расскажу.

Но Рэдмонд начал рассказывать раньше, потому что ему оказалось некомфортно просто идти и молчать, – да и Дэни как-то все посматривал на него.

– В общем, ты же знаешь устройство нашего города?

– Я не местный, – заулыбавшись, ответил Дэни.

Рэдмонд остановился.

– Да?

Дэни кивнул.

– А откуда ты?

– Я из Нейчиди.

Рэд не знал такого города, поэтому просто спросил:

– Это традиционный город?

– Да.

– Что ж, окей.

– Но я немного знаком с Оле-Виватом. Я тут неделю живу.

– Вот как!

Подумав, Рэдмонд спросил:

– И нравится?

– Да, все здорово, – заверил его Дэни.

Здесь можно точно сказать, что у Рэдмонда сложилось положительное первое впечатление о Дэни, – так что он преспокойно начал все ему рассказывать. Диалог проходил успешно, комфортно, – оба одного роста, не лишены обаяния, с выражением добродушия, разве что Рэдмонд на прavaх главного старался выражаться более осмысленно, капитально. По крайней мере, сначала.

Они уже давно дошли до другого конца – тупика – первого этажа, когда Рэдмонд покончил с вводной частью про идеологическое государство, быстро осознав, что Дэни знает суть теории и представляет себе, в каком городе находится.

Здесь также были скамейки, и Рэдмонд предложил присесть. Вокруг никого не было; возможно, кто-то находился в кабинетах, – все благоприятствовало продолжению теории.

– Ну вот, мы как-то все себя зауважали и почувствовали, что нам хочется интересно жить. В других городах, я слышал, об этом мало думали. Были типовые развлечения наподобие игр, спорта, пения, кино...

– Да они и сейчас есть, – перебил Дэни.

– Точно! – Рэдмонд вспомнил, что Дэни из традиционно-го города, и спохватился: прошедшее время здесь неуместно. Наверно, это пока единственная трудность в их диалоге – Рэдмонд привык общаться с коллегами-земляками; он вообще, возможно, еще ни разу не общался с кем-то из стаффа, кто родом не из Оле-Вивата. Он и не думал об этом аспекте!

– Тогда, извини, скажу прямо, – продолжал он, – мы счи-

таем, что эти развлечения лишены... перманентности.

– Чего? – честно не понял Дэни.

– Ну, они как бы одноразовые. Служат для того, чтобы развеселиться, заглушить что-то неинтересное. Тогда как вся жизнь остается неинтересной. Это своего рода анальгетики!

– Обалдеть! – удивился Дэни.

Но он не знал, как еще больше удивился Рэдмонд, не ожидавший сам от себя таких заключений.

– Нет, у нас это все тоже есть, пускай, – поспешил он заверить. – Мы не видим в этом ничего плохого. Только мы предлагаем нечто большее, чем вы. Мы ищем идеи, точнее, мы *делаем* идеи, – которые делают всю жизнь интересной. И на фоне их ваши развлечения... становятся так себе.

– Это ж какие должны быть идеи? – недоумевал Дэни.

– Самые разные. Ты же вчера слышал.

– А, ну да.

– Я тебя плохо видел издалека, но ты же был на сцене?

– Да, абсолютно.

– Вот и слышал. Например, о чем вчера постоянно шла речь: человек как машина, – это сейчас наша главная идея.

– Да, да, – заверил Дэни. – Только как вы тогда их внедряете?

– Вот, теперь я продолжу.

И, сделав паузу, Рэдмонд продолжил:

– Когда мы поняли, что развлечения – это как анальгети-

ки, мы стали думать, как сделать саму жизнь интересной. Ну, то есть это до нас думали, – улыбнулся старший планировщик. – В общем, нужны были идеи. «Идеи» – за это слово зацепились. Само собой стало понятным, что идеи должны быть долгосрочны, – то есть *перманентны*. Иначе чем они отличаются от анальгетиков?

Возник вопрос: откуда их взять? И кто этим будет заниматься?

Дэни уже догадался:

– Вы придумали Институты.

– Да! – восхитился Рэдмонд. – И эти Институты, как нам рассказывали, есть во всех идеологических государствах. Их, правда, везде по-разному называют: где-то Институт Идеологии, где-то Институт Философии, Институт Планирования... Мы говорим просто «Институт», – и всем все понятно.

– А обычные институты у вас есть? – спросил Дэни.

– Ты имеешь в виду учебные заведения?

– Типа того.

Рэд чуть подумал:

– Само слово остается многозначным. Все зависит от того, как сказать. Про учебу так и скажут: «идти на учебу». Но если скажут «идти в Институт», – то это значит в наш Институт.

– Понятно.

– Вообще, заведение престижное, – заметил Рэд. – Но сю-

да можно и прийти, и устроиться. Первый этаж – чисто для гостей. Ты вот сидел в одной из гостевых – там обычно проходят встречи. Более частные беседы устраивают в кабинетах. Тут их много, – Рэд оглянулся, – места всем хватит.

– То есть я могу прийти и что-то спросить?

– Да, все, что ты хочешь знать про идеи и современные тенденции. Здесь ведь не только идеи, – здесь рождаются мода, стиль, новые направления. Институты – отправная точка.

– Точка величия, – заметил Дэни, рассмеявшись.

Рэдмонд оценил его ответ.

– Кстати, рекламу здесь тоже можно найти. Любую, – добавил он. – Ну и, повторяюсь, устроиться. Обычно кто всем интересуется, кто любит поломать голову, – тот устраивается. У нас ведь что главное – мозговой штурм! А попасть нетрудно. Главное – заявку оставить. Собеседование, правда, никто не отменял. Хотя тут я должен спросить: как ты попал сюда?

– Оставлял заявку, – припомнил Дэни.

– И все?

– Все.

– Просто странно. Стажеры приходят, часто. Но не помню, чтобы их выводили на сцену, на собрании. Да и приставляют их обычно к профессорам...

Дэни не нашелся, что ответить. А Рэдмонд вновь задумался о том, нет ли какой-то особенной роли у этих конкретно стажеров. До этого все стажеры приходили втихую, а даль-

ше – как пойдет...

Дэни пошел в мыслях дальше:

– А что с текучкой? Увольняют много?

– Здесь обычно сами уходят, – сразу ответил Рэдмонд. – Я говорю: попасть нетрудно. Работать начать – тоже. Просто постоянно надо думать, выдвигать идеи. Сложнее – выдвигать идеи внутри идей. Плюс – постоянный анализ, синтез... Здесь обычно сами понимают, интересно ли это. Если да – остаются, если нет – скоро уходят. До увольнений доходит редко. Ну только если человек уж совсем дико любит просиживать штаны или не ходить на работу. Когда теряется интерес – так оно и происходит. Но это не что иное, как скука, а современный бесчувственный человек тяжело переносит скуку. Он скорее умрет, чем останется так работать.

– Понятно, интересно, – сказал Дэни.

А Рэдмонд в очередной раз подивился своим заключением. И это – не готовясь! Кажется, он созрел для контроллера.

Здесь Дэни будто включил телепатию:

– А карьеру можно сделать?

Рэдмонд заулыбался:

– Не знаю. Наверно. Сложный вопрос.

Возникло некоторое смущенное молчание. Рэд предложил:

– Пойдем наверх. Я тебе расскажу про стафф.

Рэд и Дэни дошли до лестницы и поднялись на второй этаж.

– Вообще, здесь есть лифт. Он чисто служебный. Я по нему поднимаюсь, когда спешу или опаздываю, – сказал Рэд.

– Это где?

– С краю. Ладно, сейчас не пойдем. Лучше к залу.

Они дошли до места, – и Рэд в двух словах рассказал Дэни о собраниях.

– А вообще, это этаж планировщиков. Всех – и старших, и обычных.

– Они различаются? – спросил Дэни.

– Да. Я – старший планировщик, – представился Рэдмонд. – Кстати, приглашаю в наш кабинет! – идти до него было недолго, и Рэдмонд вскоре жестом показал: – Вот сюда. Кабинетов здесь несколько. Я и мой напарник работаем здесь.

Рэдмонд обвел глазами помещение – здесь уже было несколько его коллег и шла работа над идеями, но Тэликси пока отсутствовал. Рэдмонд решил, что представит его позже.

– Мы сюда еще вернемся, так что ты всех увидишь. А пока – запомни: планировщики работают в парах. При этом старшие – внедряют идеи Института в народ, а их помощники – просто планировщики – предоставляют им полный анализ идеи. Каждый планировщик занимается своим аспектом, поэтому его начальник – старший планировщик – должен кооперироваться с другими старшими планировщиками

для получения полного анализа, – только его обычно и выносят на планерки профессорам. Планерки – каждую неделю, сколько угодно раз. На них профессора и дают нам, так сказать, напутствие, то есть новое задание, а мы отчитываемся по предыдущим. А планировщики отчитываются перед своими старшими, в парах, по своим аспектам.

– Короче, все друг перед другом отчитываются, – рассмеялся Дэни.

– Да, именно так, – с улыбкой подтвердил Рэд. – Ты как раз после стажировки станешь планировщиком, – так что будешь отчитываться передо мной.

– Хорошо, – Дэни пожал плечами. – А мне надо участвовать в планерках?

– Нет. Главное – чтобы все старшие были. Даже если старший болен или еще какая причина, участвовать не нужно.

Дэни призадумался.

– Это все формальности, – заметил Рэдмонд. – Вот и еще одна, – сказал он, посмотрев на себя. – Цвет бейджа. Для различия в стаффе приняты разные цвета бейджей. У планировщиков – белые с перламутром, у старших, как видишь, – жёлтые. Тебе потом тоже сделают.

– Белого цвета? – поинтересовался Дэни.

– Да.

Они вышли из кабинета, решив подняться выше.

– На третьем этаже работают профессора, – Рэдмонд повел рукой вправо-влево, предлагая Дэни самому выбрать,

в какую сторону повернуть. Он выбрал правую сторону. — Они с оранжевыми бейджами. Здесь они устраивают нам все планерки, иногда их до жути много, — Рэд поморщился. — Повестку на планерку в основном дает администрация. Но иногда и профессора нам что-нибудь придумывают. Кстати, поменьше бездельничай, когда рядом профессор, — шепнул старший планировщик. — Уже проверено: следующая смена автоматом начнется с планерки. И отвечаем мы, старшие. Но не улыбайся, — произнес он, заметив расплывающуюся улыбку стажера, — мы вас потом тоже работой завалим, не продохнете. Тэл докажет! — рассмеялся Рэд.

— И что еще они делают, кроме планерок? — спросил Дэни после некоторой паузы.

— На самом деле много чего. Если идеи доносит администрация, то они развивают их. И в этом очень помогают нам! Вообще, взаимодействие на уровне «профессора-старшие планировщики» я считаю главным. Оно самое бурное, самое долгое, самое живое, но и самое тонкое, — разошелся Рэдмонд. — Здесь как бы надо не только все просчитывать, но и понимать, предугадывать. Блин, мне кажется, я и сам вечно далек от истины, — стал рефлексировать старший планировщик. — Я так часто спорю с ними!..

— Может, *они* дают повод для спора? — предположил Дэни.

— Нет, нет, — сразу возразил Рэд. — Хотя... Тут трудно сказать. Только развитие идеи дает ответ, кто прав.

— А...

– Вот, развитие – главная задача профессоров. Они угадывают возможные тенденции развития идей, а иногда – делают это уже по мере реализации. Они вмешиваются – и так меняют ситуацию. Это «свободные художники» от Института. А мы – подсказываем им.

Лицо Дэни выражало восхищение профессорами.

– Наконец, все профессора четыре раза в год выступают на собраниях с отчетами по сделанным действиям, – добавил Рэд.

Едва они оказались на четвертом этаже, Рэд сразу сказал:

– Я тут редко бываю. Нам тут нечего делать.

– Здесь находится администрация? – догадался Дэни.

– Ага. Давай пройдемся, – может, и я что-то новое узнаю.

Они прошлись. Рэдмонд рассказал Дэни все, что знал об администрации: что ее представители ходят с красными бейджами, что они придумывают идеи и доносят их до профессоров, что, в сущности, они организуют всю работу Института и что они устраивают собрания для сотрудников четыре раза в год и управляют ими, а также участвуют в совмещенных – межинститутских – собраниях, которые случаются два раза в год и на которых присутствуют только представители администраций и профессора. Также Дэни заметил, что, насколько ему известно, именно на этих собраниях принимается большая часть всех идей города.

– Где же еще их принимать? – спросил Дэни.

– А вот этого не знаю. Я вообще мало что знаю об адми-

нистрации, – признался Рэдмонд.

– Как же туда попадают?

– Это могут профессора знать. Но мы с ними общаемся в основном об идеях. Их так много, что на другое нет времени.

Сказав это, Рэдмонд осознал, насколько был неточен Лерой, когда говорил об ограниченном количестве идей. А с появлением Дэни и других стажеров, представленных так по-особенному директором, идей станет еще больше, – а, значит, и работы прибавится.

Он вздохнул. Но появился повод сказать про директора:

– Тот, кто вас вчера представлял, – это директор. Директор и его зам – главные люди в администрации и во всем Институте.

– Я так и понял. Они вчера выступали.

– Да.

Рэдмонд мысленно перебрал оставшиеся аспекты, связанные с администрацией:

– Что еще сказать?.. В администрации любят статистику, любят разрешать конфликты, споры, выносить заключения... Еще говорят, что они как-то особенно занимаются вопросами времени, ну и, понятно, идеологии... Все, я больше ничего тут не знаю.

– погоди, а администрация точно выше всех? – спросил Дэни.

– Да, а что?

– Мне казалось, мы встречали людей с зелеными бейджами, – они тогда кто?

– А, это контроллеры! Я их специально оставил напоследок.

– Почему?

– Потому что они как бы вне иерархии, – пояснил Рэдмонд, – и зеленый цвет их бейджей выражает эту «свободу». Активно взаимодействуют только с администрацией; по сути, только ей и подчиняются. Кстати, вспомнил, что забыл сказать: администрация устраивает еще что-то вроде специальных планерок – они, по-моему, так и называются. На них она отдельно разъясняет новые идеи профессорам и контроллерам. Я не знаю, как там у них это происходит, но это своего рода маленькое собрание.

– Так и чем они занимаются в итоге? Я про контроллеров.

– Они проводят полный анализ идеи по специальным планам, – и потом в особом порядке обо всем отчитываются на собрании, – то есть всего четырежды в год. Неплохо, да? – подчеркнул Рэдмонд.

– Ну, как проверка такая... – заметил Дэни.

– Ага. И еще у них есть одна допобязанность, которую непонятно почему на них повесили, – видимо, больше некому было дать, да и чтобы не скучали... Они занимаются рекламой. Всей рекламой.

– И зачем?

– Реклама очень помогает нам в работе. За это я их ува-

жаю! – легко заявил Рэдмонд. – Вот так вот: почти ни с кем не взаимодействуют, но помощники – что надо!

– У них же, наверно, реклама съедает все время... – промолвил Дэни.

– Я не знаю. Во всяком случае, это интересно. Да и отчеты у них всего четыре раза в год. Плюс они помогают друг другу, часто советуются. У меня есть несколько знакомых контроллеров – признаться, я им порой завидую! – сделал акцент Рэдмонд.

Дэни понял смысл этой эмоции, а потом поинтересовался:

– И где они работают? У них нет этажа...

– Они снуют везде, – ласково ответил Рэд. – А в подвале их больше всего! Там они занимаются рекламой.

– Я слышал, здесь глубокие подвалы, – поделился Дэни.

– Огромные! – подтвердил старший планировщик. А по бокам еще типография и всякие склады с атрибутикой.

– Здорово! Все так продумано!.. – оценил Дэни.

Экскурсия по Институту вернулась на второй этаж. Рэдмонд перезнакомил Дэни со всеми планировщиками, кто был в кабинете и кто встречался им в коридоре; Тэликси в этот день опоздал, за что Рэдмонд укоризненно на него посмотрел, – и только потом установил знакомство.

После знакомства Рэдмонд более тщательно прошелся с Дэни по кабинету, рассказал, где что находится, некоторое время посвятил документации.

Далее они пошли обедать. К тому времени – а было три часа дня – пик по обедам уже спал, и в обеденной на первом этаже народу было не так много.

В послеобеденный период смены Рэдмонд и Дэни принялись вовсю перебирать актуальные идеи, чтобы Дэни уловил, какие тенденции характерны для жизни Оле-Вивата и его жителей. Нельзя сказать, чтобы Дэни понял логику всех идей, – но некоторые ему особенно понравились и запомнились.

Когда уже рабочий день закончился и Дэни отпустили с наказом приходить завтра в то же время, Рэдмонд наконец смог переговорить с Тэликси:

- Знаешь, он хорош. По-моему, ему стало интересно.
- Завтра-то придет? – ухмыльнулся Тэл.
- Главное, сам не опаздывай, – бросил Рэдмонд, выходя из кабинета.

Он и собой был не менее доволен, чем Дэни. Экскурсия прошла на ура, – и заслуга Рэдмонда в этом была абсолютна. Благодаря ему стажер в первый же день выразил явную лояльность к работе Института и его сотрудникам.

II

Когда Тэликси вошел в кабинет, Дэни уже сидел с планшетом, оставленным тому Рэдмондом, за столом и, судя по всему, просматривал одну из презентаций, где приводятся наработки по какой-либо идее. Дэни слегка улыбался, но еще более улыбочное лицо планировщика заставило его отвлечься.

– Ну, как вчера? – с места в карьер начал Тэликси. – Понравилось?

Дэни ответил утвердительно и кратко описал вторую половину вчерашней смены. Тэликси по привычке ухмыльнулся.

– А где Рэдмонд? – поинтересовался Дэни.

– На планерке, наверно.

Дэни понимающе кивнул.

– Он же тебя посвятил в идеи?

– Да, все рассказал.

– И что ты думаешь? Есть *идеи*? – рассмеялся Тэликси.

Дэни задумался, ответил:

– Нет пока. Но я подумаю...

– Расслабься, – оборвал его Тэл. – Как минимум неделю можно размышлять. А потом – расскажешь, что тебе пришло на ум.

– Хорошо.

Планировщику Тэликси стажер тоже понравился. Поэтому он так спокойно оставил его за планшетом, решив пока не сваливать на Дэни свои обязанности. С другой стороны, подумал Тэликси, вскоре им все равно предстоит поработать вместе – это будет интересно.

Ни Тэликси, ни появившийся через полчаса Рэдмонд, правда, пока не могли сказать, что будет с Дэни после стажировки. Очевидно, он станет планировщиком. Но поскольку стажеров впервые пришло так много одновременно, неизбежна какая-то перестройка, ибо на всех них старших планировщиков не хватит точно. Не исключено, что работа начнет вестись по тройкам, – и тогда Рэдмонд, Тэликси и Дэни могут образовать хорошую команду.

Это были мысли Рэдмонда. На планерке обсуждали приход стажеров, – и старший планировщик пришел оттуда явно чересчур возбужденный:

– Не понимаю, чего они хотят?! Человек только пришел, еще не освоился, – а им уже подавай идеи! – он уселся на стул.

– Что там, Рэд? – встретил его Тэл.

– Да вообще!... Хотят, чтобы стажеры уже придумывали идеи! Вот прямо сейчас!

– Вот *так*?

– Да! И зачем только?

– Затем, чтобы показать, что человек – машина, – вставил Тэл любимое.

– Ага, – иронично произнес Рэд.

После того как старший планировщик некоторое время побегал по этажу в целях обмена информацией по идеям с коллегами, спустился в подвал за рекламой, устроил мозговой штурм с Тэликси на пару часов и составил небольшой конспект, он обратился к Дэни:

– Пойдем на первый этаж.

Там, в одном из свободных кабинетов, где у окна был стол, а по сторонам – два стула, Рэдмонд, едва присев, начал:

– У нас шумно, Дэни, поэтому я привел тебя сюда.

Дэни, судя по спокойствию на лице, не возражал.

– Я сегодня был на планерке. Там было несколько профессоров – и они все были довольны, когда я отчитался, что тебе все понравилось.

– Я сам рад, – признался Дэни.

– Отлично. Но, короче, если ты помнишь, директор на собрании говорил, что нам нужны новые идеи. И их должно быть много.

– Да.

– Вот, в общем, на планерке сказали, что эти идеи уже пора сочинять. И начать предлагаю сейчас. Нас здесь двое, нам никто не мешает. Бумагу, планшет, ручки я взял.

– И... как пойдет наша работа? – весело спросил Дэни.

– Просто. В формате мозгового штурма. Итак, я объявляю наш с тобой первый мозговой штурм. Кидай идею.

Дэни аж напрягся:

– Сразу?

– Да, немедленно, – приказал Рэдмонд.

– Хорошо, пускай будет... *величие*.

– Величие?!

– Ну да... Директор же говорил о величии... на собрании... – замялся Дэни. – Или не подходит?

Рэдмонд покрутил в руках ручку, скривил удивленную гримасу, потом записал на листе сверху: «Величие», – и добавил:

– Очень здорово, – после паузы и пристального взгляда на Дэни он еще спросил: – Что дальше?

– Ну, я так понимаю, надо понять, что значит «точка величия».

– Мы это обсуждали с Тэлом, – сразу помог Рэд. – Лерой просто приложил к своим словам математику.

– Хорошо... Так, значит, мы ищем просто что-то великое?

– Именно!

– И что же считать великим?

«Он задает правильные вопросы...» – подумал Рэдмонд.

После небольшого молчания, выжидательного для старшего планировщика, стажер заметил:

– Я так понимаю, надо что-то выделить.

– Давай выделим.

– Очевидно, величие – это некое состояние. Наверно, комплекс.

– Так... – Рэдмонд взял ручку. – Нарисуем стрелочки.

– Не знаю, может, сюда входит независимость?..

– Ха, в этом смысле современный бесчувственный человек велик. Но я запишу, – заметил Рэд и тут же вскочил: – Ну так да! Давай ориентироваться на современного человека.

Дэни согласился:

– В чем тогда его величие?

– Так, я думаю... если этот человек такой всегда, значит, такая тенденция. Хм, мы привыкли говорить о стилях, – смекнул Рэдмонд, – вот я это и отмечу.

Тут Дэни заметил:

– Получается, мы все сводим к современному человеку, которого я не слишком-то знаю!

Здесь его учитель снова вспомнил, что перед ним – человек из традиционного города, то есть не самого последнего образца. Было отчего устыдиться.

– Этот человек еще не факт, что является носителем всего великого, – сказал Рэдмонд и попал в точку.

– Забавно, я об этом тоже подумал, – улыбнулся Дэни, а Рэдмонд не в первый уже раз убедился, насколько порой круто читает мысли наперед.

– Итак, чего же может не хватать современному человеку в аспекте величия? – задумался старший планировщик.

Дэни засмеялся.

– Что? – не понял Рэдмонд.

– На этот вопрос только ты можешь ответить.

– Ах да, – сообразил старший планировщик и почесал подбородок. – Отменяем тогда. Говорим просто о величии.

Они подумали пять минут, поговорили. Дэни попытался что-то нарисовать.

– Я все-таки утверждаю, что величие – это своего рода стиль, – сказал Рэдмонд. – Что мы сюда можем внести?

– Я думаю, красоту, – ответил Дэни. – Красота всегда вызывает восхищение. В ней есть что-то великое.

– Отлично, – записал Рэдмонд. – Что еще?

– Счастье! Как же без него?!

– Так, счастье...

– Не знаю, входит ли сюда сам человек...

– Человек – это прекрасное, – отрезал Рэдмонд.

– А, это ваш принцип, – понял Дэни.

– Скорее вывод, до которого мы дошли сами, – подчеркнул старший планировщик.

– Получается, я не прав?

– Ну, как сказать... – Рэдмонд взглянул в свои записи – там от слова «Величие» исходили стрелочки «Независимость», «Красота» и «Счастье», – и хотелось пририсовать еще одну. Объединялись эти стрелочки в «Стиль», а вело все одной большой стрелкой к «Человеку». – Человек может и должен быть великим. Я бы сказал даже, обречен.

– Но он им не является? – допытывался Дэни.

Рэдмонд спрятал лицо в ладони.

– Надо вспомнить, что говорил директор, – сказал он. –

С одной стороны, человек и может оказаться той самой «Точкой величия», – и это, получается, был как бы намек на то, чтобы мы вернулись к главному – к человеку. Человек – средоточие всех наших стремлений. С другой стороны, это можно расценить и как обратное, – как будто человек больше не заслуживает абсолютного внимания и требуется найти что-то еще.

– Но вы же уделяете внимание не только человеку?

– Да, ты прав.

– Что же тогда точка?

– Пока не знаю...

Их мозговой штурм продолжался еще час, – а потом они пошли на обед. Рэдмонд всерьез задумался над словами Дэни о том, что для большего понимания понятия великого нужно проводить опыты. Рэдмонд спросил стажера, как он представляет себе эти опыты, – и тот в ответ промолчал.

Несмотря на это, Дэни ему реально нравился. Для первого мозгового штурма совсем неплохо, думал он, разве что темпа порой не хватало. Когда Рэдмонд проводит мозговой штурм с Тэлом, они еле сдерживаются, чтобы не перебить друг друга, а бумага у обоих заполняется моментально. Правда, это все теория, понимают они, а на практике реализовать удастся лишь немного, – может, думал Рэдмонд, как раз это имел в виду Дэни, когда говорил про опыты, – испробовать как можно больше вариантов введения идей в народ.

Если так, то это, надо признать, у него не всегда удается – то ли не хватает рекламы, то ли идеи все подворачиваются не те.

Рэдмонд ел первое, вспоминая, какая идея пока была самой яркой, самой запоминающейся, – не в его карьере, а вообще. Очевидно, это что-то связанное с историей развития Оле-Вивата: строительство пакетами, появление Институтов, признание человека и т. д. А в его карьере?

– Трудно сказать. Интересной была мысль о том, что человек – существо в общем игривое, подверженное всегда какому-то соревнованию и игра занимает в его жизни роль чуть ли не ключевую. В соответствии с этим стали придумывать различные игры, в основном интеллектуальные. Так свободное время в жизни работников Института стали посвящать игроведению, а сама идея закрепились в городе под знаком «возвещения нового гедонизма».

Запомнилась также идея о том, что человек по природе своей тяготеет к свободе, а значит, является в определенной степени безответственным. Причем безответственность эта простительна настолько, насколько велики границы понимания свободы у каждого человека. Забавной эта идея получилась из-за того, что после ее принятия и развития многие в Институте как-то резко стали опаздывать и забили на дисциплину, зато оправдания были теперь согласно идее.

Вскоре эту идею решено было бросить.

Но вот заметно, думалось сейчас Рэдмонду за обедом, что

идеи все-таки в основном направлены на человека и служат на благо ему. Хорошо это или плохо? Конечно, хорошо. Только вот что имел в виду директор?..

III

Дэни выглядел даже лучше, чем обычно, – все-таки два выходных не прошли даром. Он и выпался, и прогулялся, а в вечерние часы проштудировал еще несколько идей и материалов, которые ему порекомендовал Рэдмонд.

Особенно Дэни понравились прогулки по Оле-Вивату – незнакомому городу, о котором он слышал, и не раз. Не сказать, чтобы понимал все то, что происходит здесь, – но презрения и быть не могло, так как Оле-Виват априори считается более высокой формой города.

Многих тянуло в Оле-Виват – сам факт существования в схожем ландшафте города, настолько отличного от других городов, вынуждал жителей нет-нет, да и помечтать. За короткое время Оле-Виват обеспечил себе стиль, – построил себя на своих же идеях, создал себя с нуля. Это вызывало в других городах, особенно в традиционных, заслуженный интерес, да и уважение. Многие приезжали сюда просто для того, чтобы «подышать иным воздухом», хотя понимали, что для полного проникновения в жизнь Оле-Вивата нужно провести в нем минимум год.

Дэни тоже тянуло. Более того, временами ему казалось, будто детство его как-то даже связано с Оле-Виватом, – то ли он тут родился, то ли стал осознавать себя как человека... Для жителя традиционного города – жителя Нейчиди, како-

вым он себя называл, – это были простительные заблуждения.

И вот Дэни в свои молодые годы решился на путешествие – он не стал мелочиться, а, имея какие-то деньги, отправился в Оле-Виват на долгосрочное пребывание. Он сразу нацелился поступить в один из Институтов, о которых тоже, разумеется, слышал, – брали туда без каких-либо специальных условий, фактически просто по желанию, да и ни в чем никого не ограничивая. Главное – генерировать идеи.

О том, кто такой Дэни как генератор идей, он и сам не знал. Порой ему казалось, что ничего не стоит вернуться опять в детство и предложить на радость народу самые светлые и неожиданные идеи. Но тогда он вспоминал, что он уже взрослый и со стороны это будет смотреться глупо. Со стороны, – но только не в Оле-Вивате! – где его соображения могут и пригодиться. Дэни имел право предполагать, что Оле-Виват – удивительный город и здесь все будет по-другому. А для того, чтобы генерировать идеи, ему и впрямь нужно почувствовать себя ребенком.

Итак, Дэни отправился после двух выходных на работу, но пошел не с севера, где он жил (для последних стажеров не особо учли совпадение места жительства с местом стажировки), а с трассы 45. Дело в том, что перед работой Дэни заскочил к одному своему знакомому – как раз порекомендовать Институт; знакомый проживал в Молодежном районе –

и Дэни понял, что до Института отсюда нетрудно прогуляться пешком. Нахождение Института, как он помнил, по трассе 45, следовательно, идти нужно прямо до заворота, пока не откроется вид на стеклянное синее здание.

Еще в предыдущие дни, когда Дэни ехал с трассы 23 на транспорте, он заметил на стоянке возле Института две заметно возвышающиеся над машинами платформы. Он не вполне понял, для чего они тут стоят, – а сейчас, подойдя к ним на метр, он также не мог понять, какого они цвета.

«Размытый какой-то цвет, словно после дождя», – подумал он.

Интереснее было другое: Дэни вдруг почувствовал, что где-то эти платформы уже видел.

Он стал нарезать круги: потрогал ножки платформ, дотянулся до основания, обратил внимание на сильную наклонность. В голове Дэни закралось подозрение, что это порождение старого города, потому как сейчас в Оле-Вивате такие платформы вряд ли строят.

О старом Оле-Вивате – не то что в традиционных городах, а и здесь – вспоминали мало. Тем не менее Рэдмонд что-то говорил Дэни о том, что раньше Оле-Виват был грустным и безынтересным городом, без истории, без стиля, без тенденций; объекты строились вразнобой, не гармонируя один с другим, и только зеленые массивы спасали от депрессии. Правда, Рэдмонд признался, что ему это тоже когда-то передали, а сам он старый Оле-Виват не застал.

Дэни пошел дальше и уже зашел внутрь Института, — только все продолжал вспоминать, где он мог видеть эти платформы. Сомнений у него не было: они ему знакомы. Только цвет размылся. Будто из-за продолжительных дождей.

В середине рабочего дня Дэни, теперь больше самостоятельно работавший над идеями, улучил время, когда Рэдмонд освободился, и подошел к нему:

— Слушай, Рэд, ты, когда идешь сюда, часто проходишь через служебный?

— Да почти всегда, — незамедлительно ответил тот.

— А, я просто в первый раз сегодня там прошел. Что это у вас за платформы стоят?

— На стоянке?

— Да. Для чего они?

— Честно, я не знаю, — признался Рэдмонд.

— Просто... они как-то не соответствуют вашим тенденциям. К тому же у меня такое чувство, будто я их где-то видел.

Рэдмонд немного задумался, но ответил:

— Когда-нибудь их, наверно, уберут.

Дэни не стал более тревожить Рэдмонда и отправился в кабинет — продолжать работать.

Работа, кстати, шла у него легко. По сути, он уже справлялся с обязанностями планировщика. Сначала Рэдмонд дал ему старые идеи, дабы посмотреть, как бы он их проанализировал. В числе них были и откровенно неудачные, а неко-

которые Рэдмонд просто выдумал с листа. Еще встречались такие идеи, которые Рэдмонд с Тэликси когда-то на пару накидывали на мозговых штурмах.

По преимуществу Дэни не запутался. Он, конечно, не знал, в каком конкретном случае его наставники подложили ему «бьяку», но в целом весьма добротнo поработал над каждой идеей и – где логическим путем дошел до бесполезности или бессмысленности – отсекал большинство неудачных или фальшивых идей.

Затем Дэни приступил к анализу тех идей, которые были выявлены вместе с Рэдмондом на мозговых штурмах. Надо заметить, Дэни перед стажировкой не вполне понимал смысл этих занятий и подозревал даже, что это, судя по названию, что-то очень сложное. Оказалось, нет. Дэни с Рэдмондом слушали друг друга, старались не перебивать, – и под конец каждого штурма у них набиралось неизменно с десятков потенциально интересных идей.

Дэни уже понял: сложность в том, чтобы из всего этого многообразия выбрать такие идеи, которые было бы легко понять, внедрить и исполнить. А там уж – смотреть на результат. При этом по результату крайне трудно понять, какая идея оказалась особенно удачной или провальной. Основной индикатор здесь – динамика интереса к жизни у современного бесчувственного человека. Но так как про идеи, как и про объекты, тоже можно сказать, что они внедряются пакетами, то и анализировать приходится всегда комплекс

идей, а именно комплекс последних идей, — то, как они изменили среднее желание человека жить.

За результат, как Дэни помнил, ответственны более всего профессора, — они потому зачастую и вмешиваются, — и меняют ситуацию по мере ее развития. Но он уже чувствовал, где ответственность планировщика: подготовка идеи, — и на ее основе правильное первовведение.

По поводу мозговых штурмов у Дэни как-то возник вопрос, зачем они нужны, если идеи все равно дает администрация. Помог ему кто-то из коллег Рэдмонда, заметивший, что все это формальности, а если что администрация и дает, так это общее направление или тенденцию для поисков. В этом смысле поиски идей в аспекте величия со стороны Дэни оказываются вполне оправданны; хотя не было бы ничего криминального и в том, стань он искать идеи по другим аспектам, но не менее интересные.

Дэни подивился, насколько широкий простор для поисков предложила администрация, и даже обрадовался. Выходит, планировщики внедряют во многом свои идеи, а ограничения... едва ли различимы.

Эту реалию Дэни смекнул моментально.

IV

Так у стажера появился простор для творчества. И что еще важнее – мотивация. Дэни подумал, не исключено даже, что данная реальия и существует для того, чтобы обеспечивать мотивацию планировщиков.

Впрочем, это догадки. Перед ним теперь встала цель – придумать, проанализировать и внедрить что-то вроде своей идеи. С последним ему помогут старшие планировщики, но в общем и целом это как раз будет, как ему успели передать, окончание его стажировки.

Очевидно, для итогового успеха идея должна нести в себе что-то великое. То есть независимость, красоту, счастье и стиль? К этому они пришли с Рэдмондом, но это не проверено. Надо проверить. И обязательно ли идея должна вести к человеку? Наверно, да, раз в этом городе человек официально признался прекрасным. Впрочем, прекрасное и великое – разные понятия, – и, очевидно, еще предстоит понять, является ли человек великим.

Так Дэни пришел к первому выводу: необходимы опыты. Надо проверять и еще раз проверять.

В голове у него, правда, что-то непрестанно вертелось. Нет, не идея. Сегодня он снова прошел мимо двух платформ и понял, что вчерашние подозрения на дежавю не случайны. Только он никак не мог вспомнить, где это уже было. И по-

чему.

Дэни все-таки посчитал, что эти мысли могут ему помешать достичь своей цели, посему поспешил их отбросить. Абсолютно это сделать не получилось, но он снова сосредоточился.

Однако он в замешательстве. Что за опыты он решил поставить?

– Чтобы понять, является ли человек априори великим, – ответил он сам себе и тут же рассмеялся. Дэни понял, насколько это будет сложно: анализировать каждый параметр, каждую функцию человека, чтобы ответить на вопрос. Еще ведь и не понятно, какими особенными свойствами обладает человек, живущий здесь, в Оле-Вивате, – он слышал, здешний житель до крайности бесчувствен...

Чуть погодя Дэни вспомнил, какая идея сейчас является основной, – идея человека как машины.

«Может, остановиться на этом?..»

В один из следующих дней Дэни закончил работать параллельно с Рэдмондом. Старший планировщик заметил его и подошел:

– Предлагаю подождать Тэла – и прогуляться.

Дэни согласился. Подождать решили на улице, у главного входа. Сегодня как раз потеплело.

Стояли они друг напротив друга, Дэни все как будто взглядом желал отойти влево.

– Ну, как у тебя с идеями? – спросил Рэдмонд.

Наверно, это стандартный вопрос для работников Института, усмехнулся про себя Дэни.

– Неплохо. Но все как-то смешалось, и... я пока думаю.

– О да! – похлопал его по плечу Рэдмонд. – Тебе надо пройтись. Это развеет твои раздумья.

– Да я и так...

Подошел Тэл:

– Ну? Куда направимся?

Рэдмонд посмотрел на стажера:

– Дэни, ты ведь не с этого района?

– Нет, я в той стороне, – Дэни показал на север.

– А, значит, Привокзальный, – понял Рэдмонд. – А это Молодежный район, – он широко окинул ландшафт рукою. – Вообще, есть даже такая практика, что сотрудник привязывается к тому Институту, который находится в его районе.

– Но у тебя все наоборот, – игриво добавил Тэл. Дэни поддержал его, улыбнувшись.

– Ладно, – решил Рэдмонд. – Предлагаю показать Дэни наш район. Вперед!

Они пошли дворами, по излюбленному маршруту. Памятник Смеху в виде невысокого улыбающегося человечка был теперь – со стороны Института – слева. Рэдмонд заметил, что Дэни остановился около него, пристально вглядевшись, и произнес:

– Да, смех – то еще достояние. Без него нам никуда. Потри

ему на счастье нос, Дэни!

Рэд с Тэлом уже принялись идти дальше, но Дэни все стоял не двигаясь.

Старший планировщик подошел к нему сзади.

– Опять думаешь, – с ласковым укором прошептал он.

– Хватай его! – прикрикнул Тэл весело.

– Вы серьезно? – вдруг произнес Дэни.

Рэдмонд и Тэликси переглянулись. Последний подошел, и они вместе взглянули на Дэни.

– Я же это уже видел, – произнес тот робко.

В выражении его лица было что-то новое. Впрочем, не страшное, – и Рэдмонд оттащил его:

– Ты мало погулял.

Дэни засмеялся. Еще пять секунд – и он уже захлебывался смехом.

– Ну я же точно уже видел это!

Его коллеги так и не поняли, что произошло. Но через несколько минут, когда они уже продвинулись, Дэни сам все рассказал. Он был не из тех, кто держит все в себе.

– Короче, это то же самое, что и те платформы. Этого человечка я где-то видел. И он был таким же – и по высоте, и по комплекции.

– Наверно, тебе Рэд показывал, – предположил Тэл. – У него есть фото. Нам тоже нравится этот паренек! – улыбнулся он.

– Да нет! Я видел его точно таким же стоящим и в тот же

рост, только в другом месте. И все тоже терли ему нос! – Дэни сделал акцент на этой важной подробности.

– Знаешь, – взялся Рэдмонд, – это ведь может быть сон...

Дэни сразу ответил, что сны здесь ни при чем.

– Но что тогда? Может, он есть и в твоём городе?

– Нет, – отрезал Дэни. Потом задумался. – Да точно – нет!

Я не помню его там.

– А платформы? – поинтересовался Тэликси.

– Да то же самое.

– Я предлагаю пройти вон к тем домам, – махнул рукой Рэдмонд, оборвав таким образом тему.

На работе Дэни рвал и метал. Мозговой штурм происходил теперь не так часто, и лишь изредка Рэдмонд или Тэликси помогали ему в накидывании идей; Дэни все рисовал какие-то схемы, строил графики – голова его работала бесперебойно. Не хватало одного – системности. Две основные идеи – точка величия и человек как машина – «лежали» перед ним, но он не знал, как подогнать все свои соображения под одну из них.

Он проявлял и упрямство. Например, была у него идея раскрыть такие аспекты величия (по Дэни и Рэдмонду), как стиль и красота. Это можно сделать посредством введения какой-то особой моды, надо только ее продумать так, чтобы она соответствовала основным тенденциям. Рэдмонду данная идея понравилась, Тэликси был в восторге, – он вооб-

ще раздумывал, как внешний вид может поменять человека, однако Дэни отбросил ее с формулировкой «неабсолютной важности».

Да, Дэни хотел, чтобы идея, придуманная им, сразу стала важной, то есть как будто бы ее только и ждали, – так он представлял работу.

А еще он хотел разобраться в себе, в том странном ощущении, которое нет-нет, да и разрасталось в нем.

В свой очередной выходной он отправился с утра и до вечера гулять по всему Оле-Вивату.

V

Весеннее преображение в Оле-Вивате – явление всегда стремительное. И ожидают его с трепетом. Ни одна идея, придуманная и настоящим гением, не стоит того воодушевления, которое традиционно охватывает жителей Оле-Вивата в конце марта – начале апреля. Никто не любит работать в это время. При первой возможности – все гуляют.

Дэни вышел из дома, ничего об этом не зная. Правда, он сразу подивился тому количеству зелени, которое вдруг распространилось во дворе. Он подошел к одному дереву и потрогал чуть раскрывшиеся почки.

«Красота!» – возрадовался он.

Дэни прошагал несколько метров и заметил, *насколько* все поменялось.

Ему подумалось, что в Нейчиди, возможно, приход весны происходит чуть позже и заметно медленнее. Дэни, впрочем, смекнул, что это его первая весна здесь, и тогда чему-то удивляться можно только по первости.

Дэни познавал Оле-Виват с каждым метром. На улице, где света было больше, зелень проглядывала яснее. Правда, ее оттирали машины и различные новомодные здания.

«Мне говорили, этих зданий больше всего там, где мой Институт», – вспомнил Дэни.

Но он спланировал маршрут таким образом, что в Мо-

лодежный район попадет ближе к вечеру. Где пешком, где на транспорте – он собирается совершить, в общем, движение по кругу. Располагается район его места жительства – Привокзальный – в центре города; если смотреть с запада на восток, то его окружают Дуговой, Песочный и Восточный районы; на юге – Молодежный и Смежный районы, а под ними – во всю ширину растянулся Лесной район. Соответственно, Дэни решил посетить хотя бы проездом все районы от Дугового до Молодежного.

Дэни находился где-то на севере города, в Песочном районе, когда впервые заставил себя задуматься над одним видимым фактом.

Улицы вполне соответствовали тенденции Оле-Вивата строить объекты пакетами. Их там было достаточно – и Дэни улавливал один признак за другим. Во-первых, замеченные уже в Привокзальном и Молодежном районах геометрическая точность и четкость. Во-вторых, то, что он заметил в тех районах, где только что побывал (а, может быть, просто не встретил пока в обозначенных), – стремление как бы «соединять», «спаривать» объекты, так что получается в итоге нечто похожее на комплекс.

Но и еще один признак стал ясен. Дэни настолько влюбился в распутившуюся внезапно зелень, что поспешил, пройдясь по нескольким различным улицам Дугового района, нырнуть во двор, – там зелень менее «конкурировала»

с объектами, и заодно он рассчитывал где-то посидеть на скамейке.

В первом же дворе Дэни что-то показалось странным. Он не мог пока объяснить этого, потому как речь шла об общем ощущении. Однако следом был второй двор и третий, и Дэни тогда высказал про себя мысль, что дворы принципиально отличаются от улиц. Чем они отличаются? Дворы изначально выглядят скромнее, чем улицы. Вроде бы так и должно быть. Дворы выглядят некрасивей, чем улицы. Это тоже логично, но это не соответствует тенденции, и уж тем более не соответствует придуманным Дэни и Рэдмондом понятиям о величии. Еще дворы несут в себе элементы разнобоя, то есть оборотные стороны домов и комплексов, детские сады, площадки, электро- и газоблоки, люки, деревья и прочий антураж, – все это находится вместе, в рамках геометрического окружения, в смешении. Конечно, все эти вещи уже нельзя было не смешать, – и в этом скрывается отличие от тех условий добровольного «безрадостного» строительства, которым злоупотребляли в старом городе, но дворы четко несли на себе отпечаток этого строительства.

Едва ли Дэни задумался бы об этом, если б сам был не из традиционного города, – а вот там как раз мыслей о том, как правильней и красивей строить, не возникало. Поэтому у Дэни опять возникло ощущение дежавю, только теперь он понимал, что такую картину он мог где-то конкретно видеть, – например, в том же Нейчиди.

Пройди Дэни и двести дворов – ощущение бы не помнялось: он уже и не видел в них ничего необычного, кроме небольшого отвлечения от тенденции, и скоро сел на транспорт. В других районах все было так же. Дэни больше всего любовался зеленью.

И предвечерний Оле-Виват на предмет расцвета казался ему прекрасным. В этом тенденция не обманула. Город же стремится ко всему прекрасному. Вот и прекрасно то, как шелест молодых листьев при ближайшем рассмотрении ласкает щеки и отдает теплым ветром. Дэни воистину расслабился. Скоро сумерки – и ему останется посетить один район. А пока можно побалдеть на солнце, медленно бредя вокруг деревьев. Честно, не все из них обрели пока весенний вид, еще встречались совсем черные проплешины, – но их было мало. И общей картины они не портили. Чем не тенденция?

Когда Дэни завидел, что темнеет, он проехался на автобусе из Смежного района в Молодежный, – через железную дорогу, – и вышел сразу после нее. Сумерки почти закончились. Если на часах было около девяти вечера, то формально наступила ночь.

Дэни понимал, что в таких условиях он навряд ли что-то приметит. Можно просто пройтись – так, чтобы ноги уж совсем устали и прогулка завершилась логически. Он еще ошибочно подумал, что железная дорога, которая осталась

позади, и есть та самая, которая протекает за Институтом, – кроме него и места, где живет его знакомый, он ничего в этом районе не знал. Вот и пошел вдоль трассы – допустим, к Институту.

Института – справа – он так и не дождался и понял, что ошибся. Зато в итоге, идя прямо, уткнулся в другую трассу – и по характерной ее ширине и указателю слева понял, что это трасса 45. Идти ему теперь, очевидно, надо влево.

Вот оно сияло перед ним все в своих синих стеклах, – здание Института, – и оттого казалось, что ничего более на трассе нет. Так почти и было – прилегающие территории и складские, синий блеск, – и синий вечер – все принадлежало Институту.

Дэни успел еще раз взглянуться в невысокого улыбающегося человечка на возвышении, который остался за кустами. Издали видны ему были и две наклоненные платформы. Но теперь он весь свой взор сосредоточил на Институте.

Чуть ли не впервые он видел его в темноте. И ощущение «громадности», значимости объекта естественным образом усилилось. Дэни не сомневался, что данное здание и соответствует всем тенденциям, и служит прекрасному. С прекрасным, по-видимому, в этих стенах и сталкивается Дэни, только он все пока никак не может остановиться на чем-то одном – тоже, наверно, прекрасном.

Впрочем, он замечтался. Это здание может приковать

к себе, подумал стажер.

Дэни решил осмотреть помещения близ Института. Он здесь еще не прохаживался, и выиграло любопытство – увидеть, что где находится. Он постарался бросить по пути как можно более беглый взгляд на платформы, – а потом сразу двинулся к задней части здания.

Вид сзади, как показалось Дэни, богат какими-то выступами и проемами; и здесь уже все сине-белое. Возможно, отсюда кто-то и выходит. Да, Дэни заметил дверь, – очевидно, только для стаффа. Стажер надумал когда-нибудь выйти здесь, ради интереса.

Вообще-то, в остальном панорама так себе привлекательна: поодаль виднеется железная дорога, отсекающая Привокзальный район, путь до нее прикрыт кустами, а еще ближе – мусорными. Невдалеке виднеются институтские складские, за ними – забор и... словно пустая территория. Дэни, между прочим, решил шагнуть к складским.

Тут нога его почувствовала непривычно неровную – «то-нущую» – поверхность. Это был песок. Дэни незамедлительно остановился и стал перебирать его в руках.

Песок занимал приличную территорию. Удивительно, но он даже глубок: рука Дэни не нащупала дна. Он оглянулся и понял, что находится словно в какой-то песочной площадке. Непонятно, зачем она нужна Институту, с задней стороны! Дэни, впрочем, продолжал шупать.

Что он там пытался нащупать – непонятно, только продол-

жал это делать со все большим усердием. Со стороны можно было бы подумать, что он искал в песке какую-то вещь, которую сам же когда-то там и оставил. Или он просто... развлекался.

Часть третья

I

Кто придумал бесчувственность – неизвестно. И где это произошло – также сказать точно нельзя. Но в Оле-Вивате, как и в любом другом городе нового типа, на этот счет ходят свои мнения.

Во-первых, называется несколько фамилий, во всяком случае причастных к становлению и утверждению понятия бесчувственности конкретно здесь. А, во-вторых, считается, что, наряду со строительством пакетами, бесчувственность является одним из ключевых понятий, развитие которых предшествовало появлению Институтов и во многом способствовало осознанию ими самих себя дееспособными, важными и даже необходимыми! Бесчувственность – это камень в основаниях всех Институтов. И здесь о ней часто говорят ласково.

Бесчувственность интересна тем, что, будучи очень мощной идеей, она почти мгновенно стала и универсалией. Такое бывает редко. А то, что ее еще и все так быстро восприняли как универсалию, говорит о ее уникальности, многозначности, привлекательности и – опять же – необходимости в понятных контекстах. Кстати, это характерно для всех идеоло-

гических государств.

До сих пор все отдают ей свое почтение и признают важность. Хотя не могут разгадать феномен: что же такое бесчувственность, как не просто образование, появившееся в нужное время в нужной среде, – но при этом почему она тогда стала универсалией? Видимо, разгадка в человеке, который и сам – тот еще феномен. Если рассуждать с оглядкой на психологию, то человеку просто надоели привычные страсти, традиционное смятение чувств, а также смущение от себя самого, который не может выбрать, что ему милее или что ему *чувственнее*. Он устал от этого вечного выбора сердца и предпочел мыслить прагматичнее. Чем, в общем, тоже, конечно, облек себя на выбор – смириться ли с вечными нехваткой и поиском того, что заменяло бы порождения чувственности?..

И все-таки такой взгляд слишком прост. Ведь не могли все люди, пусть и в новой среде, взять и устать одновременно от старого и так быстро найти ему замену, да еще с таким ответственным выбором! Вывод очевиден: люди развивались, и бесчувственность согласовалась с их развитием и подошла людям, как ключ к замку, но... кто-то этому сильно поспособствовал.

Работу этих отцов-основателей бесчувственности уже невозможно лично оценить, но и в каждом Институте Олевивата, и в каждом городе нового типа найдутся люди, которые продолжают, можно сказать, их дело.

О Кроне Винче расскажут сразу в нескольких Институтах Оле-Вивата, так как он менял место работы. Но рассказы будут неполны; не перманентны – так вернее сказать. Он сам знает эти осложнения и их причину.

Время до осложнений – это его детство с заходом на юношество. Он тогда застал принятие многих ключевых идей и почти увидел изменение города. Правда, был совсем маленьким – и мало что переменял в сознании, которое еще только формировалось. Исходя из времени, как раз тогда в Оле-Вивате должен был появиться первый Институт. Туда Винч едва ли еще думал когда-то попасть.

Поэтому это все считается неважным. Кроне Винч вошел в историю развития понятия бесчувственности из-за своих производственных травм, – их и называют осложнениями.

Ничего не происходило в его первые годы работы в Институте. Только окончив учебу, он, не найдя себе более интересного занятия, чем придумывание идей, абсолютно здоровый, более того – вполне себе веселый, – устроился работать в Институт Привокзального района. Их тогда было всего два – второй находился в Восточном районе.

Кроне стал планировщиком (в то время стажировки как таковой не было) – и работал сразу с огоньком. Ему все нравилось, идеи охотно приходили ему на ум, коллег воодушевляли его активность и любознательность. Немудрено, что уже через пять-шесть месяцев его перевели в старшие пла-

нировщики, – тогда идея Институты развйвалась, планировалось открыть по Институту в каждом районе, и талантливые сотрудники, – на любой должности, – были нужны.

И здесь Кроне, возможно, почувствовал повышенную ответственность, или, может, у него прибавилось идей на несколько порядков, – так или иначе, он развел слишком кипучую деятельность.

Во-первых, Кроне очень много работал и почти не отдыхал, – в нем развилась удивительная работоспособность. Но это, в сущности, ерунда. Важнее, что тогда, в годы юности Кроне, одной из ключевых идей впервые стали машины. Особенно заинтересовали сотрудников машины времени. Они размышляли просто, – что тема эта уже давно волнует, в принципе, все человечество, – значит, настала пора разобраться с ними, понять, что они вообще такое, познать границы их возможностей и оценить перспективы. А так как теперь впервые (по крайней мере, в Оле-Вивате) есть такой новый объект, как Институт, то заодно это будет хорошей ему проверкой.

Кроне воспринял все очень серьезно. Все-таки в нем было много ответственности. Поэтому он решил подойти к данной идее преимущественно практическим путем. Так в Институте поступает не всякий, – а он еще и фактически присоединился к обычным планировщикам и вместе с ними сначала долго занимался анализом перед внедрением. Более того, он много занимался анализом в одиночку, – поговаривали даже,

будто сам собирался изобрести машину времени и понять, как она работает. Его не раз засекали с непонятными металлическими приспособлениями на рабочем столе.

Тогда и начались его производственные травмы, — «осложнения», как их было принято официально называть, — а слово это вскоре стало, благодаря Кроне, очень популярным.

По слухам, в попытках сконструировать нечто наподобие машины Кроне использовал некий взрывоопасный состав. Отдельные его компоненты также находили на столе, да и не только: один раз дежурный прочищал пол в кабинете и вдруг услышал странные хлопки под своим уборочным оборудованием. Хорошо, что там были лишь крошки...

Впрочем, травмы Кроне были нехарактерные для взрыва. Несколько раз его находили с утра в паралитическом состоянии, или он просто терял сознание; подобное случалось и ночью, при обходе. Он тогда обычно постепенно приходил в себя, а по мере этого рассказывал о путешествиях в прошлое и настоящее, о том, что видел и чувствовал. Это выслушивалось под запись, а потом предъявлялось пострадавшему. Реакция Кроне была всегда одна: он смеялся.

Однако репутация его пошатывалась. Как бы он ни выкладывался на работе, но Институт не мог поощрить практические исследования, да еще с такими последствиями. Кроне пришлось переехать в Восточный район.

Хотя там все всё знали, но не взять амбициозного и та-

лантливому сотруднику просто не могли. К тому же Кроне планировал как минимум стать профессором, и это оценили.

Но и в Восточном районе практика продолжилась. Правда, теперь Кроне старался работать преимущественно не в стенах Института. А когда что-то происходило, он просто долгое время не появлялся. Говорил, что болен. И с этим мирились, так как параллельно он еще успешно выполнял свои обязанности по другим идеям.

Слухи, впрочем, распространялись понятные – сначала в Институте Восточного района, потом во всем районе, потом в других районах... Все понимали, по каким причинам отсутствует Кроне. Тем более что теперь он стал появляться после «болезней» с повреждениями – незначительными, но... мелкие царапины покрывали его лицо, руки, а на лбу остался и вовсе один настоящий шрам. Это могло свидетельствовать о том, что с практикой не только не покончено, а она получила развитие.

Интересно, что Кроне – ни в Привокзальном районе, ни в Восточном – ни разу так и не сказал открыто о том, что, возможно, пытается изобрести некую машину, а все ссылался на болезни и бытовые повреждения. И, несмотря на явные контрдоказательства, многие ему верили и даже прозвали «болезненным», потому что все же отдавали дань его находчивости и любознательности вперед различным проблемам с репутацией. Прозвище, однако, не прижилось – официально стали говорить «осложнения».

После всего этого критический момент настал-таки: когда и Институт Восточного района (по понятным причинам) решил с ним попрощаться и Кроне отправился в новый, только что открывшийся, третий Институт – в Дуговом районе, – там начали колебаться.

Кроне пришлось подумать, как быть. Во-первых, надо как можно скорее «заговорить». Если до этого были практика, действия, то теперь настала пора слов. Только о чем заговорить? Кроне понял сразу: раз все помешаны на идеях, то об идее. Осталось перебрать все идеи и «подогнать».

Это была привычная ему работа. Но едва ли он сам сразу понял, что может значить одна из случайно произнесенных им фраз, которую он бросил в какой-то рабочий день, когда попытался оправдаться:

– Вы спросили, что я чувствую. Болезни говорят о том, что человек может ломаться. И никакие чувства не помогут.

Здесь до всех, кто слышал и кому потом передали, стало доходить. Идея бесчувственности существует как минимум столько же, сколько Оле-Виват, но априори! Ее оставили как универсалию и не трогали. А теперь...

Кроне смекнул быстро: он своим оправданием оперся, выходит, на принцип самого города! Лучше и придумать нельзя!

И еще он удовлетворил пожелания Институтков. В приоритете – теория. Это была первая теоретизация бесчувственности от Кроне!

Разумеется, сразу чуда не произошло. Кроне пришлось еще многое озвучить, и подтвердить, и опровергнуть... Кстати, никто точно не может до сих пор сказать, сколько продлились его «осложнения». Средней цифрой называются пять лет.

Тогда они как будто закончились. И карьера Кроне сразу пошла вверх. Теперь все его исследования преимущественно касались бесчувственности, хотя и не только ее, – но так как сама идея получила мощнейший толчок вперед после выступлений Кроне и стала очень популярной, то и ему покоя не было. Это ощущалось так, что его поняли, но хотели понять еще больше, – и такая ситуация вынуждала его продолжать работать в этом направлении. Да он и не был против.

Но и дальнейшая его биография не однозначна. Был период, когда, уже став профессором и будучи в зрелости, он вообще покинул Институт, – и можно только догадываться, почему.

Десять лет назад он восстановился через четвертый, и пока последний Институт в его карьере, – Институт Молодежного района. Должность осталась та же – профессор.

II

Седой и старый, Кроне Винч, с оранжевым бейджем, приколотым к карману его выцветшего пиджака, зашел в свой кабинет на третьем этаже. Встреч с коллегами-профессорами сегодня было много, да и старшие планировщики все шли к нему за советами. Он всех принимал в другой комнате – ему там было удобней.

Разговоры, понятно, шли в основном о бесчувственности, так как его в Оле-Вивате, как он ни пытался это опровергнуть, считали чуть не первооткрывателем этого понятия, – во всяком случае, в Институте равных ему не было. Более того, в связи с развитием последней идеи человека как машины желающих узнать что-либо о бесчувственности заметно прибавилось, так как многие стали считать ее одной из основных характеристик человека-машины, которая вытекает из самой его природы.

Кроне Винч негативно отнесся к этой последней идее. Он до сих пор считает, что сотрудники, занимаясь ею, занимаются формально ничем.

Особенно его в последнее время стали раздражать некоторые планировщики – любые, – которые все пытаются исследовать, насколько человек есть машина, через понятие бесчувственности. А нашелся один сотрудник, который на днях подошел к нему с сомнением, применима ли вообще бесчув-

ственность к человеку, – это был старший планировщик Рэдмонд Стай.

Стай вроде как начал с обычной консультации по бесчувственности. Он зашел к Винчу в кабинет, тот отвлекся и, выслушав идеи старшего планировщика, предложил ему перейти в комнату с мягкими креслами. Там разговор и продолжился.

– Дозвольте, профессор, вернуть вас к началам вашей деятельности? – обратился Стай.

Винч нахмурился. Лицо его, со шрамом, да и еще с какими-то морщинами и неровностями, сделалось грозным. Стай на секунду задумался, а сколько же ему лет, – об этом провозвестнике бесчувственности ходят легенды.

Профессор же поспешил улыбнуться и ответил:

– Разумеется.

– Мы нашей командой планировщиков в последнее время работаем над идеей человека как машины, – в ответ на эти слова профессор кивнул, как бы говоря себе, что это стандартное уже начало, – и мы пришли к выводу, что понятие человека как машины очень тесно связано с понятием бесчувственности. По сути, это неизбежное условие его существования.

– Так...

– Аргументы вас, наверно, не очень интересуют, поэтому я только о том, в чем вы лучше всех разбираетесь.

Про эти аргументы Кроне от кого только не слышал. По-

истине, идея получила мощнейшее развитие, оценил он.

– В общем, я про бесчувственность.

– Так, – повторил профессор.

– Вы же давно работаете в этом направлении – не могли бы вы рассказать, как, по-вашему, изменилось в целом это направление?

– Какое? Бесчувственность?

– Да, вернее... – Рэдмонд чуть волновался, все-таки перед ним стоял удивительный человек. – Насколько человек стал, возможно, более бесчувственным? Или менее?..

– Ну, это смешно, – сразу отрезал Кроне. – Как он может стать менее?.. Это все равно что превратиться обратно в обезьяну, – эволюция назад.

– Да, я понимаю, – Рэдмонд признал, что сказал лишнее по волнению. – Тогда... он стал более бесчувственным?

– Я думаю, что да.

Дальнейших объяснений не последовало.

– Хорошо, – старший планировщик, не готовый к такому ответу, замешкался, чуть потянул время. – Тогда... Вы считаете, что человек, ввиду этого, в очень высокой степени является машиной?

Кроне вновь ответил утвердительно.

А Рэдмонду пришлось опять на ходу додумывать вопрос. И тогда он решился:

– Просто понимаете... в нас всех очень сильно обычное понимание машины. Хотя она считается универсалией, –

а сейчас тем более! – но нам еще тяжело спроецировать это понятие на человека. Если же бесчувственность – это главная характеристика человека как машины, то почему мы тогда к ней так привыкли? Тоже ведь универсалия...

– Ну?

– Вот я и прошу у вас дозволения объяснить, как она так быстро утвердилась, за счет чего...

Кроне оборвал его:

– Она не утверждалась при мне!

– Но вы развивали ее. Я имею в виду то, что рассказывают про ваши осложнения...

– А, осложнения! Что же вам непонятно? Судя по всему, вам знаком этот период.

– Да, конечно. Но я хочу понять, что способствовало этому развитию. Наверно, человек почувствовал себя более бесчувственным? Более – машиной?..

Кроне жестом показал, что понял. Старший планировщик оказался на удивление логичен, пришлось впервые задуматься. Наконец он объяснил, что самое первое упоминание о бесчувственности и, следовательно, утверждение он – да и никто – не может передать, так как этот факт, похоже, не был никак зафиксирован или сформировался независимым, то есть природным, путем. Но, видимо, то утверждение было настолько сильным, что сразу всеми было принято как универсалия. Или – люди просто по природе своей почувствовали, что это так. В ситуации же с нынешней главной

идеями, видимо, само утверждение пока ощущается слабее.

Рэдмонду Стаю не понравилось такое объяснение. Он в нем многое не понял – и первое, что не понял, вынес на вопрос:

– Почему тогда его забыли, то первое утверждение? Говорят, что вы своими теоретизациями почти вернули понятие!

– Ну, это неправда. Преувеличение.

– Но его же так резко развили!..

– Это уж я постарался, – улыбнулся Кроне. Эта была такая улыбка, которая говорила о том, что на самом деле «постарались» многие.

Рэдмонд все равно не понимал. Он что-то еще разволновался и даже повысил голос:

– Как-то все равно непонятно. Может, человек тогда и машиной себя более чувствовал?

– Это вы к чему?

– Да, теперь же звездолеты появятся. Машин станет меньше. Отождествление прекратится...

– Я что-то вас совсем не понял, – заявил профессор.

– Получается, человек, возможно, стал... менее бесчувственным?

Кроне замахал руками.

– Вы что? Коллега!! – профессор готов был прийти в бешенство.

А Рэдмонд уставил глаза в небо – и потом, через пять секунд, воскликнул:

– О, я понял! – потом чуть спохватился: – Как вы думаете, профессор, а человек точно бесчувственен?

– Что?!!

Рэдмонд встал. Профессор тоже встал – он понял, судя по внезапно проявившейся улыбке на лице планировщика, что тот как будто подходил к такому выводу. Специально.

– Идите-ка на воздух! Живо! – он чуть не набросился на него, но Рэдмонд уже успел выскочить.

Вечером того же дня Винч, придя домой, долго сидел на стуле за столом и рефлексировал. Ответственности с годами в нем не уменьшилось – он просто не мог, как профессор, забыть этот разговор и вообразить, что ничего не было.

Старший планировщик, конечно, бредил. Скорее всего, предположил Кроне, тот просто изначально запутался в своих мыслях, а потом разволновался и дошел до мысли, что человек не бесчувственен.

Это, конечно, не так. Кроне не просто так думал, – он знал, что человек бесчувственен, знал эту сторону его природы.

Одно только в словах этого молодого человека заставило его вздрогнуть, податься вперед, – когда он вернул его в период осложнений. Действительно, Кроне и сам не раз пытался понять, что привлекло всех к его идее, когда он так случайно подошел к ней, – природа ли? Человек сам узнал себя в том, о чем он рассказывал, или это и впрямь он и ему по-

добные так «постарались»? Но одно дело – заниматься теорией; другое – познать себя на практике...

Эх, к сожалению, он не знает, что было тогда, в период появления городов нового типа, – и бесчувственности. Несомненно, она оттуда временем и родом. А многие до сих пор наивно связывают это с ним!

Вот где ответственность – смириться с такой постановкой вещей и сосредоточиться на том, что он, напротив, знает – и уже доказал. Только вот, видимо, не всем, раз даже в Институте бродят сомнения.

Это все дурацкая новая идея, подумал Кроне, от нее растут изначально неправильные теории и версии. Что за ложь в истории!

Кроне разозлился, – и в том числе сам на себя, что не сумел сразу пресечь измышления этого «коллеги», и доказать ему свою правоту, и заставить его работать в другом направлении. Хотя против идеи он бы ничего не смог сделать...

Прекратив рефлекссию, профессор поднялся со стула и пошел в архив, искать нужные бумаги.

Он теперь, найдя какую-то папку, тщательно перебирал листочки и про себя радовался, что не доверился тогда технике и не стал делать заметки электронные. Понятно, профессора Института, в сущности, не ученые. Максимум – их можно назвать теоретиками-фантазерами. Но в жизни Кроне был период, когда ученым он был несомненно, самое ин-

тересное в его записях к этому периоду и относится.

Кроне об осложнениях писал только вразброс, ничего не поясняя и не доказывая, — то, что он описывал, для него лично доказательств не требовало. Такие страницы он пропустил. Вот он дошел до заметок об общении с ним людьми, его коллег, которые подходили к нему после тяжелой практической работы. Кроне, по сравнению с тогдашней реакцией, сначала вздохнул, потом встрепнулся: он припомнил, как яркий смех раздирал его при прослушивании записей. Но уже тогда: пройди еще немного времени — и отреагировал бы он вдумчивей. Ведь он вскоре все понял.

Зато есть что вспомнить, хотя это и не совсем то: как реагировали люди на его поведение, — вот что хотелось бы узнать, вернее, найти в заметках. Ибо этот момент совершенно вылетел из памяти Кроне — он не помнил, что выражали собой люди до того, как он заговорил о бесчувственности. Они могли быть готовы услышать нечто новое — или новое старое — о себе или находились в состоянии безразличия? Какими они были?

Кроне не задавался ранее этим вопросом, — возможно, и вплоть до предположения старшего планировщика. Из слов того вполне вытекает, что человек в период его осложнений находился на высшей ступени бесчувственности. Да, здесь начинает править и личное любопытство: он как-то так свyksя с началом своей успешной карьеры, но он никогда не анализировал состояние бесчувственности на тот

момент. Он и не мог – его работа, как потом стало понятно, только подходила к этой универсалии. А что творилось с универсалией?!

«Она была!.. Да ее и не могло не быть, – усмехнулся по-детски Кроне. – Как я не замечал?»

Все дело в том, понял профессор, пересев на диван, что он действительно вышел на бесчувственность случайно. Это подтвердили записи, которые он только что пересмотрел. О бесчувственности в них не было ни слова.

И он снова вернулся к продолжению мысли старшего планировщика, – что это были за люди, которые «сделали» ему карьеру.

Через секунды у Кроне вообще испортилось настроение и он небрежно вытянул ноги – от осознания, что нельзя вернуться к истокам появления городов нового типа... и бесчувственности, конечно.

III

Точно клубок с нитками, Дэни распутывал Оле-Виват, делая все новые и новые открытия. Одно время он особо приглядывался к домам, а теперь перешел к целым улицам, стараясь каждый свой выходной обходить по несколько улиц целиком, в основном длинных, чтобы в дни работы, после смен, прохаживаться по более коротким и менее утомительным переулкам и тупикам.

Насчет тупиков когда-то слышалось много пожеланий, чтобы их либо «позакрывать», либо как-то продлить до ближних магистралей, – для всех было совершенно очевидно, что они выглядят некрасиво, особенно сверху, с домов, зато занимают некоторое пространство. Дэни рассказывали об этом. Потому он немало удивился, когда обнаружил за один из вечеров два тупика, а через три дня – и третий.

Но больше его поразили улицы. Дэни обходил их, наверно, с половину – столько ему и потребовалось, чтобы все-таки заметить некоторые несуразности в планировке Оле-Вивата.

Эти улицы, которые снова напомнили ему что-то знакомое, которые он тоже как будто уже видел, просто представляли собой набор практически несочетаемых зданий. На одной и той же из таковых мог стоять новый современный пакет зданий одного типа, а рядом находился объект, словно

выдернутый из прошлого, – тусклый, бледный.

Дэни не собирался что-либо из этого выводить. Именно, что он не знал, как прокомментировать увиденное. Это могли быть какие-то недоработки, а, может, особенности Оле-Вивата.

Все же, подумал он, более вероятно, что просто не все реалии прошлого сумели устранить. Улицы-то все он находил в разных районах; длина их была неодинаковая; и преимущественно было приближение к окраинам районов.

Уже несколько дней Дэни пытался «поймать» Рэдмонда, чтобы поговорить с ним об улицах. Он даже видел его и хотел подойти, но Рэдмонд последние дни был сам не свой. Что-то с ним случилось, думал Дэни, возможно, это как-то связано с идеями, которыми они занимаются. Впрочем, Дэни понимал, что «случилось» характерно и для него, – разве он не стал теперь ежедневно уделять какую-то часть суток размышлениям о прошлом, будто все то, что он здесь увидел, как-то переплелось с тем городом, где он раньше жил? Но – странное дело, – обдумав все, он понял, что в Нейчиди ничего с Оле-Виватом связанного не было, ни одной такой «аномалии». То, что окружало Институт: платформы, памятник Смеху, этот странный песок с задней части здания, теперь эти дворы и улицы – все было знакомо, и ничто не могло связаться с Нейчиди, потому что в Нейчиди были в принципе другие здания и другая планировка.

Все же Дэни был уверен, что не ошибается в своих чувствах. Где еще он тогда жил?

Все эти вопросы отнюдь не мешали ему работать. Он даже применил основной метод своей работы к разрешению создавшегося противоречия – устроил самостоятельно мозговой штурм, чтобы прежде всего разобраться в себе и докопаться до истины. Пока это не помогало, но Дэни не отчаивался. Тем более что в самой работе дела его шли хорошо. Дэни все-таки остановился на основной идее и после нескольких дней продолжительных мозговых штурмов в этом направлении дошел до простейшей по логике мысли, которая очень сложна по исполнению, – при этом Дэни не сомневался, что возникла она только благодаря тому вдохновению, которое он приобрел в участвовавших прогулках по Оле-Вивату, и... некоему, получается, ностальгированию.

Да, порой ему даже казалось, что это его родной город. А сколько в нем привлекательности! Ведь на самом деле вопросы и противоречия только помогли ему. Во-первых, он познал город географически. Во-вторых, он продолжает познавать его душевно, – любая странность, вызывающая в нем ощущение дежавю, так или иначе только повышает интерес к этому городу. Вообще, до чего удивительным, понимал Дэни, становится город, когда богатство идей, установленное в нем априори, сочетается с идеями преходящими и приходящими! В нем интересно жить. А все эти современные зда-

ния дополняются вот таким странным контрастом, который он пытается понять.

Забавная мысль возникла у Дэни: город дарит ему (лично) загадки и, словно на загадку, выдает главную свою идею: является ли человек машиной. Дэни ранее уже пришел к пониманию необходимости опытов, чтобы удостовериться в результатах. Как хорошо подходит тематика! Это понятно: ответ его будет не в теории, а в практике, – ее он и преподнесет как переделанную в свою идею, именно в важную и касающуюся всех! Он теперь отнюдь не полагал, что идея должна привести к человеку, ведь это покажут опыты. Для того чтобы проверить идею и ответить на ее главный вопрос, надо сделать очевидное: изобрести некую машину, которая была бы максимально настроена на современного человека, жителя Оле-Вивата. Далее придется столкнуть два... вида, если выражаться максимально корректно. Для ответа на вопрос останется наблюдать за реакцией.

На волне естественного прилива эмоций Дэни чуть не расстался с понятием *великого*. Впрочем, когда осознал свое упущение, он понял, что оно, конечно, пропитывает всю его задумку.

И еще, чуть позже, Дэни также вспомнил, что он не изобретатель.

IV

Дэни больше думал не над тем, как изобрести машину, а во имя чего это следует сделать: он сразу смотрел дальше окончания своей стажировки. Стажировку он вообще все менее ощущал как важнейший этап своей деятельности в качестве работника Института – таково было его увлечение работой, точнее, идеями.

Ясно, что всех волновал ответ на поставленный вопрос о природе человека. Но Дэни пошел дальше: ему стали интересны свойства своей будущей машины, – что она будет уметь. Пока Дэни фантазировал, он извел немало бумаги и этим стал похож на поэтов прошлого, которые таким образом искали рифмы. Дэни позабавило бы такое сравнение, если он что-то слышал о них. А пока один за другим его рабочий стол заполняли листки; потом что-то вешалось на видное место, скрывалось за другими листками или переводилось в мусор; некоторые понравившиеся идеи Дэни сразу оформлял в электронном варианте.

Без сомнения, Дэни работал вдохновенно, ведь все эти «поиски» не утомляли его: он набирался опыта, а сам ощущал, что работает на каком-то внутреннем топливе. Это ли не подтверждение того, что человек – машина? Надо будет сообщить об этом Тэлу, подумал он, звучит как неплохой аргумент для его исследования. Между тем Дэни ведь прекрас-

но понимал, что это за топливо. И ровно настолько не понимал!

Так впервые появилось шутивное желание сделать такую машину, чтобы понять природу и этого города, и его *дежавю* – его топлива! Оно не оставляет его, он чувствует, как всякий раз возвращается в мыслях к одному и тому же – что за преклонение перед загадками! Так вот, было бы неплохо вложить в будущую машину возможность управлять этим состоянием.

Дэни разыгрался в фантазиях – и предположил еще возможные переходы от одного состояния к другому. Тогда, кстати, человек точно становится машиной, способной к взаимопревращениям.

В общем, топливо во имя топлива – таков секрет его машины.

Многие планировщики также посещали кабинет, где работал Дэни. Он часто посмеивался над собой, находя в такие моменты исключительно смешным то безумство, в которое он впал в этом Институте. Впрочем, никто не видел всей его работы, потому что некоторые операции он производил дома. Со стороны положение Дэни могло показаться странным. Слишком веселый и энергичный, он так много работал и анализировал идеи, что почему-то до сих пор не прошел стажировку. Об этом парадоксе прежде всего донесли его непосредственному начальнику Рэдмонду Стаю на пла-

нерке.

Стай воспринял услышанное сперва буднично; только потом задумался, как давно он работает с Дэни. «Месяц пролетел быстро!» Он понял свою ошибку – увидев, как стажер заинтересован, и вовлечен, и работает, он «отпустил» его, предоставил ему много свободы. Да, это была творческая свобода, чего нельзя не поощрить, но... почему тогда Дэни еще стажер?

Рэдмонд, привыкший к мозговым штурмам, решил действовать попроще – понаблюдать за ним. Для этого он вернулся к частоте взаимодействий, как в первые дни работы со стажером.

Сперва они обсудили продвижение идей. Рэдмонд посчитал правильным пока что похвалить стажера. Дэни типически для него улыбнулся. Потом они перешли к отвлеченному разговору о жизни в Оле-Вивате; Рэдмонд всерьез заинтересовался положением, которое Дэни занял в этом городе, его мыслями, в целом об устройстве и инфраструктуре города, – и не без удовольствия отметил, насколько положительно Дэни обо всем отзывается и как толково обосновывает свое мнение. Правда, некоторые замечания показались Рэдмонду странными, – когда, например, стажер указал ему на какие-то воспоминания, образы, связанные с увиденным... Дэни снова вспомнил те платформы и памятник Смеху, потом заговорил о дворах, об улицах, чем уже сильно удивил Рэдмонда, – впервые, конечно, тот услышал столь по-

дробный анализ ландшафта, да еще от человека из традиционного города! Хотя, впрочем, это и логично, подумал старший планировщик, что именно человек не местный делится такой информацией, как взглядом со стороны.

Рэдмонд также заметил некую возбужденность в голосе Дэни. Но, поскольку она была явно приятной, он только порадовался. Продолжилось все тем, что Рэдмонд повел Дэни в столовую. А по пути что-то спросил о Нейчиди.

Но вот после перекуса Рэдмонд вспомнил:

– А когда ты завершаешь стажировку?

Дэни тут же смутился. Он и понятия не имел, что здесь может быть какая-то дата.

– Я не знаю, – честно ответил он.

– Да, тебе же не говорили, – подхватил Рэдмонд. А все-таки это странно, подумал он. – Ну а как сам планируешь?

Дэни задумался. Его машина существовала пока в лучшем случае в чертежах и схемах, а оболочку их вместо кусков металла и деталей составляли идеи и замыслы, которые она призвана воплощать. Он промолчал.

– Дэни, приятель? – потерял его Рэдмонд.

Стажер улыбнулся:

– Я пока... не могу сказать.

В Рэдмонде проснулось чувство юмора:

– Так стало модно говорить у разработчиков звездолетов. Ты не изобретаешь звездолет?

– Нет. Но неплохая идея, – оценил Дэни.

– Возможно, – Рэдмонд еще не поборол своего скепсиса к звездолетам. – Так когда ты хочешь «выступить»? – вернулся он к теме.

– Постараюсь скоро.

В один из рабочих дней, когда время смены подходило к концу, Рэдмонд Стай прогуливался по коридорам третьего этажа, радостный, что отчет по развитию перед профессором был недолгим. Это было действие, которое старшие планировщики выполняли не всякий день, но регулярно, особенно под вечер, дабы закрепить взаимодействие с профессорами и удостовериться в общем понимании друг друга. Рэдмонд зачастую прибегал к нему, когда чувствовал, что весь день отлынивал от работы.

Сегодня, впрочем, обмен репликами был короткий – Рэдмонду показалось, что его нынешний собеседник-профессор не хотел много расспрашивать.

Однако когда Рэдмонд уже заходил на лестницу, чтобы спуститься вниз, чья-то рука из ближайшей двери потянулась к нему.

– Ай!

– Здравствуй, Рэдмонд, – его притянул к себе еще один профессор, Жанди Найл, сорокалетний, брюнет, среднего роста, с карими глазами и солидным телосложением; рука его была крепка.

– Здравствуй, Жанди, – этого профессора Рэдмонд знал

хорошо и обращался с ним на «ты». – Как-то неожиданно, – улыбнулся он.

– Просто есть повод. Пойдем.

Про «повод» он его опередил, но уже ничего не оставалось, кроме как направиться за ним следом.

– Садись, – Жанди указал на стул перед экраном – и Рэдмонд сразу понял, что у него на уме есть что-то серьезное.

– Готов слушать, – улыбнулся старший планировщик.

– Тогда приступим, – и Жанди взял в руки пульт и произвел необходимые настройки. На экране появилось видео, снятое, очевидно, в темное время суток. Пока были видны только забор и какое-то пустое пространство, но Рэдмонд сразу понял, что это за место, – это обратная сторона Института. Жанди по спокойному взгляду Рэдмонда уловил, что определение места действия не стало для него сложным.

– Смотри внимательно! – наказал он.

На видео появился некий человек. Он долго оглядывался, потом вдруг остановился, – кажется, из-за какой-то помехи внизу. Поняв, что там песок, он стал перебирать его в руках, после стал копать. Эти непонятные действия продолжались две минуты, – а, может, и больше, но Жанди сделал паузу:

– Ты узнал?

Рэдмонд честно не понял суть вопроса. Жанди не стал ждать:

– Я приближу. Посмотри как следует. Я сначала тоже не понял.

После приближения Рэдмонд разглядел, что на видео его стажер – Дэни!

– Может, он там что-то нашел?

– Например, деньги, – предположил Жанди с улыбкой, но потом заметил уже серьезнее: – А вообще, я не понимаю, что он мог искать вечером в песке с обратной стороны Института!

– Да трудно сказать. Я вообще не думал, что ты мне это покажешь...

– Мне это показала администрация. А я решил показать тебе, потому что... ты ведь вроде курируешь этого человека, как его?..

– Дэнивилл.

– Точно! Дэнивилл, – Жанди будто что-то вспомнил. – Мне о нем много говорили. Я и сам хотел с тобой о нем поговорить.

– Что-то серьезное? – Рэдмонд напрягся.

– Не знаю. Во-первых, что у него со стажировкой?

– Что? – повторил Рэдмонд.

– Как бы уже скоро лето, а он до сих пор стажер.

Старший планировщик задумался. На самом деле, он предвидел этот разговор, тем более что на планерке данный вопрос уже поднимали, и Рэдмонд говорил лично с Дэни, – просто завязался он как-то неожиданно, да еще из-за странного поведения Дэни тем вечером. Может ли это быть как-то связано?

Вот что сказал профессор дальше:

– Я вообще не понимаю, что с твоим стажером. Забудем про видео – оно, в принципе, мало что решает. Но мне постоянно докладывают, что он... занимается чем-то странным. Он много пишет, чертит, рисует какие-то схемы, – и это видят все, почему я и знаю. Не хочу подтверждать эту информацию, но, говорят... его даже видели с какими-то конструкциями, деталями!..

«Вот к чему мы пришли!» – осознал Рэдмонд.

– Я понимаю, это все абсурд и ничего не значит. Но твои коллеги почему-то видят больше, чем ты; плюс вот это видео, плюс непонятная ситуация со стажировкой...

– Я в шоке, – признал Рэдмонд – и в этом никого бы не обманул.

– Расслабься, я тебя не виню. Мы товарищи в любом случае. Просто... мне даже самому любопытно стало, чем занимается твой стажер, – улыбнулся Жанди.

– Я с ним общался, – выпалил наконец после паузы старший планировщик. – Ему ведь просто надо представить идею? – Жанди кивнул. – Так он ее представит. Скоро.

Еще на какие-то пояснения Рэдмонда не хватило. Жанди посмотрел товарищу в глаза и сказал:

– Скажи, Рэд, твой стажер занимается практической работой?

Совершенно неожиданно Рэдмонду был поставлен вопрос ребром. Он абсолютно не предполагал его, потому как дей-

ствительно не видел ничего из того, о чем говорил Жанди. Он даже не рассматривал проблему под таким углом, хотя теперь стала понятна версия профессора, из-за которой он его и затащил к себе. Скорее всего, конечно, версию эту ему нашептали, – если действительно так много сотрудников, крутившихся рядом с Дэни, заметили неладное. Впрочем, что – «неладное»? Что такого, кроме какой-то скрупулезной работы стажера над некими схемами, могли они увидеть?

Рэдмонду на волне этих размышлений вдруг захотелось постоять за себя.

– Ты сказал, видели детали? Но это же ни о чем не говорит!

– Согласен. Тогда что со стажировкой? – отрезал Жанди. Рэдмонд опять помолчал.

– Ну...

– Понимаешь, на самом деле все упирается в стажировку. Будь она пройдена – я бы и не поднял эту тему; администрация вопросов бы к Дэнивиллу не имела, а вы бы, планировщики, разбирались сами. Но раз стажировка не закончена, а до меня доходят... «новости», то надо разобраться. Может, он запутался и не может понять, что от него хотят, что ему надо.

«Нет уж, – смекнул Рэдмонд, – это он точно понимает». Дэни вдруг представился ему как хулиган, который находит проблему на ровном месте, зная о ее последствиях, – и старший планировщик подумал, что при встрече отругает его.

– Итак, нужно поговорить с твоим стажером, – пришел к выводу Жанди, – и выяснить все напрямую. Мы с тобой для этого не годимся! – он сделал жест, отвергающий всякие пояснения. – По идее, этими вопросами занимается администрация, – последовала пауза. – Но мы поступим так: в Институте есть человек, который идеально подходит под данную ситуацию, – он с ним и поговорит!

V

Страсть, как Дэни полюбил время с восьми до десяти вечера, когда Институт пустел, то есть даже самые заядлые работники-любители мозговых штурмов уходили домой. Вообще-то, смена у многих заканчивалась и раньше, – скажем, в пять-шесть вечера, но когда на ум приходит идея или ее развитие, – это докажет любой опытный сотрудник Института, – задержка происходит как бы сама по себе.

Дэни уже прослыл рекордсменом среди коллег по продолжительности времени, которое он проводил в Институте после окончания смены. Уходить последним стало для него привычкой. Иногда, правда, он встречался со знакомым, которого, кстати, все чаще подумывал привести тоже в Институт, только *не сейчас*, – вот в такие дни он мог уйти как по расписанию. Но обычно...

...он распределял свое время так: на смене все же старался выполнять обязанности по работе и по максимуму помогать Тэлу и Рэду, хотя иногда его и передергивало; если его передергивало, он брался за свои наработки по машине и записывал или как-то отмечал то, что приходит ему в голову, моментально. Правда, несколько раз «приходило в голову» по практической части, – тогда он доставал сложенные в мешок под столом манатки и корректировал их прямо по ходу смены.

Детали Дэни брал где угодно – прогулки по Оле-Вивату очень помогали ему. Он был внимателен ко всему, что находил странного и диковинного в своем новом городе, – и все это условно складывал в «копилку» к своему будущему изобретению. Забавно, что его отнюдь не напрягала мысль, которая однажды пришла к нему, – как он вообще собирается «делать» свою машину, если он не изобретатель. Его по-прежнему волновали причины, побудившие его реализовать эту странную идею, – и они же совпадали с целью самой машины.

Иногда по вечерам Дэни, однако, исправлял эту тенденцию, – когда все ближайшее окружение уже давно отправлялось домой, он спрашивал себя, как будет выглядеть и работать его изобретение. И всерьез задумывался.

«Внешний вид не так важен. Допустим, получится уродливо, но зато сработает! А так – что? – пусть это будет параллелепипед, вылепленный из металла. Металла я много видел во дворах! Я уж смогу его как-нибудь пристроить», – и Дэни представил себе, что его машина может выглядеть как маленькое помещение. У него будет дверь, будет крыша, будет пространство внутри на одного человека. Необязательно даже, чтоб все было в металле, – хватит и синих стекол, которыми покрыт Институт. С другой стороны, в изобретении машины вовсе необязательно уподобляться стилю, который приветствуется в Оле-Вивате. Дэни своими глазами успел уже увидеть множественные несоответствия со сти-

лем, отторжения от красоты и четкости. «Каков вообще критерий этого стиля и этой красоты? Я могу смешать все яркие краски, но получится от этого расцветка самая тусклая», – думал он.

А как же будет работать машина? На этот вопрос он пока не мог ответить. Он склонялся к тому, что действовать будет некий источник энергии, ослепительная вспышка; она перенесет его, например, в то состояние, когда он сможет ответить, чем же так привлекателен для него Оле-Виват и почему некоторые вещи в нем кажутся ему знакомыми. Именно что ему хотелось, чтобы эта машина была универсальна, – глупо ведь создавать столь трудное изобретение только для себя, для своих ограниченных целей. Он не сомневался в ограниченности своего «открытия», в том, что когда он сможет разгадать для себя Оле-Виват, – и город, и машина станут ему неинтересны. Так, значит, надо создать машину для всех, – и чтобы каждый мог при необходимости ей воспользоваться.

Проблема в том, что Дэни до сих пор еще не понял, что это за состояние, в котором он сейчас находится. Что-то очень подбадривает, поддерживает его, – а он не знает, что это. И не знает, что должно случиться, чтобы он разгадал это явление.

«Интересно, а другим оно тоже свойственно?»

Дэни отказался и от солнца – пошли совсем уж весенние дни середины мая, а он проводил их в кабинете.

По крайней мере, на бумаге машина была как будто готова: все составляющие Дэни четко прописал, ну а с мотивами он уже давно определился. Он связал воедино свои личные интересы, определенные его нынешним состоянием, с вопросом, который поставлен на кон его стажировки: является ли человек машиной? Несомненно, Дэни мог гордиться собой уже хотя бы потому, что выдвинул на стажировку вопрос, охвативший сейчас весь Институт. И ведь никто пока не смог на него ответить! Дэни, работая с Рэдмондом и Тэлом, хорошо это знал — он много разговаривал со своими начальниками, которые делились с ним информацией об общем продвижении идеи.

Возможно, как думал он иногда, и стоило выбрать идею полегче, а цель поставить менее амбициозную, — но ведь он не знал ранее, что его потянет к практике. Кто мог предположить, что ему захочется изобрести машину?! Впрочем... Дэни пока не спешил радоваться тому, как обстоят дела именно с практикой. Он, конечно, не сосчитал, какой это уже по счету кропотливый вечер с деталями наедине, но пока продолжал усиленно думать, как же все расположить и связать.

Дэни обернулся влево, где лежали его манатки. Он небрежно все высыпал и начал собирать. Более половины частей он оставил дома, потому что иначе все точно подумают, что он тут не работой занимается.

Вот он собрал основание. Напоминает своего рода плат-

форму. Дэни призадумался, достаточно ли в нем места для помещения целого человека; стал измерять. «Надо добавить», – подумал он.

Дэни потянулся еще за деталями – и в этот момент заметил у двери тень и рядом – профиль человека. Он невольно встал и на всякий случай убрал все под стол.

Человек отошел от двери и уставился на него пристальным взглядом.

– Кто вы? – спросил Дэни довольно естественно.

– Я пришел с тобой поговорить.

Дэни наконец разглядел вошедшего человека. Он был старый, – даже какой-то слишком старый, судя по лицу: его покрывал настоящий шрам, вокруг были также ямки, морщины, царапины, – впечатление даже у веселого Дэни сложилось непонятное. Седые волосы обрамляли голову этого старика, который, однако, прошагал к нему достаточно уверенно, даже достойно. На его поношенной одежде, на пиджаке, светился оранжевый бейдж, а в руке у него была папка, которую он пока отложил в сторону, к одному из стульев.

Стажеру показалось, что старик все-таки ошибся дверью. Но тот вдруг окинул взглядом стол, *бумаги* и промычал про себя:

– Интересно!.. – при этом вскоре улыбнулся, и Дэни подумалось с радостью, что первое впечатление, возможно, его подвело. Он улыбнулся в ответ.

Старик продолжил:

– Не знаю, может, ты что-то слышал обо мне; зовут меня Кроне Винч.

Дэни чуть мотнул головой, как бы говоря «нет, не слышал». Кроне на это улыбнулся опять – ему понравилось, что хоть кто-то о нем ничего не знает, то есть этот молодой человек в общении с ним не будет исходить из «легенд, которые бродят по всему Оле-Вивату». Это будет не запятнанный заранее ожиданиями разговор.

«Интересно, он вообще понял, что я профессор? – Кроне смекнул, что, может, для большей душевности разговора следовало бы снять бейдж различия. – Ладно, это поздно».

В конце концов, Кроне знал, о чем будет говорить, – и бейдж тут ни при чем. Они присели; профессор убедился, что его собеседник – тот самый Дэни, про которого ему рассказывали, и спокойно начал:

– Словом, как у вас с бесчувственностью?

Неожиданное начало разговора не смутило Дэни. Он вспомнил все, что Рэдмонд и Тэликси рассказывали ему про бесчувственность, мысленно представил себе Нейчиди и заметил:

– Наверно, хуже, раз наш город называют традиционным.

– Ну, в вашем городе много «традиционного».

Кроне сделал паузу.

– Бесчувственность – особая вещь. Это универсалия! На собрании, если помнишь, шла речь об универсалиях.

В общем, сегодня мы поговорим о бесчувственности. Я профессор Института и занимаюсь этим направлением.

Дэни чуть не подскочил:

– Ко мне пришел профессор?! – и только сейчас он вспомнил, что означает оранжевый цвет бейджа. Далее он как-то смутился и сел обратно.

– Вот так! – радостно отреагировал сам Кроне. – Между тем что же такое бесчувственность? Как ты ее себе представляешь?

Дэни все еще переваривал, что этот старик с подержанным лицом, на котором промелькнула улыбка, – профессор. Правда, он едва ли знал, как точно сформулировать свой ответ.

– Давай я тебе расскажу, – понял Кроне. – Трудно сказать, когда появилась эта универсалия, но о бесчувственности известно с самого основания Оле-Вивата. Я думаю, с нее вообще началось становление новых обществ. Их еще называют идеологическими государствами.

– Да, это я знаю.

– Так вот, бесчувственность – это стержень любого такого государства. Мы не знаем всей истории – она корнями уходит далеко в прошлое, но точно известно, что когда-то человек был более уязвимым. Почему? Потому что он слишком доверялся чувствам. Он многого боялся, переживал, расстраивался по каждому пустяку. Более того, он перекладывал свои чувства на других – искал, как тогда говорили, под-

держки и сочувствия, вступал в некие... «отношения». Сейчас это все кажется смешным, даже в традиционных городах, и тем не менее так было. В чем причины такого странного поведения человека в истории – трудно сказать. Над этим вопросом я бьюсь всю жизнь, и есть только промежуточные выводы. Во-первых, мне кажется, виноваты стереотипы; сюда же относится и воспитание. Понимаешь, человека от рождения воспитывали в духе чувственности, вот он из поколения в поколение и оставался таким слабым. Откровенно слабым. Потом виновато окружение. Человека от рождения окружал неприятный ландшафт. Он видел много тусклости и мрака, много пыли, много грубых, незаконченных форм, много некрасивого. Наши предки много говорили о красоте, но не замечали элементарного уродства. Это все приводило к катастрофе. Сначала человек начинал скучать, впадал в печаль – или, как тогда говорили, в депрессию, – потом его разум окутывали чувства – потому что куда ему в состоянии печали пойти, если не к чувствам? Так он вдруг понимал убогость своей жизни, – но! – ничего не хотел менять ни в себе, ни в окружении, – а знаешь, что делал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.